

Владимир Владмели

НЕВЕРНОПОДДАННЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Владмели
Неверноподданный

«Автор»

2019

Владмели В.

Невернопогоданный / В. Владмели — «Автор», 2019

Студенческая жизнь героев проходит бурно и весело: Саша собирает автомобиль, а у Бори возникает роман с преподавательницей. После института их пути расходятся, Саша узнаёт о предстоящей эмиграции Бориса, когда у того ломается машина. Он бросает всё и помогает Боре, а тот считает это самым ценным подарком друга, но, переехав границу, находит и другой... В Америке, на корпоративной вечеринке хозяин фирмы, в которой работает Борис, просит поделиться впечатлениями о жизни в США. Борис, уже хорошо подшофе, ехидно критикует шефа, порядки фирмы и деятельность ЦРУ. Последствия оказываются самыми неожиданными...

© Владмели В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть I. В старом свете	6
В мастерской художника	7
Драка в школе	17
Два друга	24
Несостоявшийся мезальянс	39
Магнитофон в футляре калькулятора	48
Курсы английского языка	53
Знамя над Рейхстагом	56
Схватка с ворами	62
Отрепетированное сватовство	64
Жена дамского угодника	70
Материнский инстинкт	74
Мадонна с младенцем	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Владимир Владмели Неверноподданный

Часть I. В старом свете

Есть в каждой нравственной системе

Идея, общая для всех:

Нельзя и с теми быть, и с теми,

Не предавая тех и тех.

Губерман

В мастерской художника

Раздался звонок, и в класс вошёл учитель истории. Он выглядел не намного старше своих учеников, и, если бы не журнал в руках, его вполне можно было принять за старшеклассника. Поздоровавшись, он остановил взгляд на Боре и спросил:

– Ты новенький?

– Да, – ответил Коган, вставая.

– Как тебя зовут?

– Боря.

– А меня Василий Николаевич Горюнов. Откуда ты приехал?

– Из Риги.

– Из такой глуши и сразу в Москву?!

– Рига – не глушь, – возразил Боря.

– Конечно, нет, но всё-таки Москва – столица. Говорят, об этом известно не только во всём мире, но даже у вас в Латвии.

– Врут, – резко сказал Боря, – мы там, у себя, круглей ведра ничего не видели, а ши до сих пор лаптем хлебаем.

– Не обижайся, – улыбнулся Горюнов, – ведь по сравнению с нами вы всё-таки провинция. Здесь в прежние времена даже царь жил.

– Так точно, Вася Величество, – сказал Боря, вытянувшись по стойке «смирно».

Класс захохотал, а Горюнов, подождав, пока все успокоятся, сказал:

– Ты, оказывается, шутник.

– Я не шутник, я только учусь.

– Имей в виду, что я твой классный руководитель, и ты должен со мной дружить.

– Я стараюсь, – ответил Боря, который уже израсходовал весь запас дерзости.

Горюнов открыл журнал, отметил отсутствующих и вызвал одного из учеников к доске. Мальчик немного заикался, и, пока он отвечал, Боря, чтобы успокоиться, нарисовал на промокашке скучающую рожицу с широко открытым ртом. Горюнов увидел это и сказал:

– Сегодня после уроков у меня будет кружок рисования, приходи.

– Да я не умею, это так...

– Всё равно приходи, будешь позировать. Мои ребята ещё никогда не видели шутников из Риги.

– Не могу, я должен быть дома.

– Ну, что ж, не можешь, так не можешь, – Василий Николаевич поставил отметку, посмотрел на часы и начал рассказывать о правлении Павла I, о заговоре против него и об его убийстве. Делал он это так, как будто сам был свидетелем событий, и до звонка все ученики слушали его с неослабевающим интересом. Только Боря думал о том, что в первый же день нажил себе врага.

После урока он подошёл к Горюнову и извинился, а тот выслушал его и сказал:

– Ладно, но в качестве наказания к следующему уроку ты должен будешь подготовить доклад минут на десять о роли Александра I в убийстве отца.

– А где я возьму литературу?

– В библиотеке, там всё есть.

На следующий урок Василий Николаевич не пришёл, а завуч сказал, что у него воспаление лёгких. Не было Горюнова в школе ещё целую неделю, и Боря предложил нескольким одноклассникам навестить его, но все они нашли какие-то отговорки. Тогда он купил яблок и пошёл один.

Классный руководитель был бледен и непричёсан, а его слезящиеся глаза смотрели на Борю с нездоровым блеском.

– А, шутник из Риги, – сказал он, открывая дверь, – заходи.

– Я вам гостинец принёс, Василий Николаевич, вот, – он протянул учителю пакет, – а кроме того, я думал, что у вас наверняка есть книги о Павле I.

– Если ты не боишься заразиться, то шлёпай в мою мастерскую, – Горюнов указал на дверь в большую комнату, – а я пока приведу себя в порядок.

– Василий Николаевич, я думал, вам нужно помочь, в магазин сходить или купить что-нибудь.

– Нет, не надо. Я живу с мамой, а она смотрит за мной как за младенцем. Да не стой ты как столб, проходи.

Комната была завалена картинами. Они лежали на полу и висели на стенах. Боря с любопытством переводил взгляд с одной на другую, а когда повернулся и увидел полотно, висевшее слева от двери, замер.

На нём была изображена молодая красивая женщина, которая стояла на коленях, обхватив руку Иисуса Христа. По щекам её текли слёзы, она каялась в своих грехах и стремилась получить благословение Божье. Иисус готов был простить её, но прикосновение её чувственных губ и мысли о грехах, которые она совершала, преобразили его. Из отрешённо-бесстрастного вершителя судеб он превратился в похотливого самца с горящими от возбуждения глазами. Плоть его восстала, он с огромным трудом сдерживал вождление и думал уже не об отпущении грехов, а о том, как овладеть этой прекрасной грешницей. Обе его ипостаси были заключены в одном теле и неразделимы как сиамские близнецы.

Картина настолько поразила Бориса, что он не сразу перевёл взгляд на вошедшего в мастерскую учителя истории. Ему показалось, что глаза Горюнова блестели не только от болезни. Похоже, художник лечился от воспаления лёгких более сильным средством, чем чай с мёдом, и это лекарство сделало его значительно разговорчивее.

– Картина называется «Искушение Христа», – сказал Горюнов.

– Потрясающая вещь.

Василий Николаевич улыбнулся. Ему льстило восхищение Когана. Это было время «оттепели», когда писать на религиозные темы позволялось, но рассчитывать на выставку таких картин было ещё нельзя.

– Что вас натолкнуло на этот сюжет? – спросил Боря.

– Действительность.

– Какая действительность, в России уже давно церковью не осталось.

– Ошибаетесь, молодой человек, моя мама регулярно ходит в церковь.

– Да!? – удивился Коган. Так же, как большинство сверстников, он представлял себе верующих забитыми и невежественными людьми. Он даже не мог вообразить, что мать этого современного человека была религиозной.

– А вы?

– Что я?

– Вы верующий?

– Трудно сказать. Во всяком случае, я знаю Библию, и это помогает мне лучше понимать картины старых мастеров. Ведь большинство сюжетов они брали именно оттуда. Да и не только они, многие современные писатели лишь переиначивают библейские истории. Впрочем, ты меня не слушай. Считай, что я болен и не отвечаю за свои слова. Посмотри лучше мои работы.

Боря стал перебирать картины, аккуратно стоявшие около стены. Среди них были пейзажи, бытовые полотна, этюды к «Искушению Христа», а на одном из незаконченных холстов он вдруг увидел знакомое лицо.

– Откуда вы знаете эту женщину? – спросил он.

– Я её не знаю.

– А как же вы её рисовали?

– По памяти.

– Значит, вы её где-то видели!

– Она приезжала к нам на скорой, а я обратил на неё внимание потому, что именно такой представлял себе главную героиню рассказа Куприна «Жидовка». Но для того чтобы закончить портрет, мне нужно ещё раз её увидеть.

– Я могу вам это устроить.

– Как?

– Это моя мама.

– Ай-яй-яй, – воскликнул Горюнов, – как же я сразу не понял!

– У неё скоро день рождения, и я хочу сделать ей подарок. Портрет был бы лучшим, что только можно придумать. Сколько он стоит?

– Во-первых, он не закончен, а, во-вторых, шедевры не продаются. Я могу тебе его подарить, но для этого тебе придётся пригласить меня к себе. Кстати, как классный руководитель, я всё равно должен встретиться с твоими родителями.

– Хорошо, я спрошу, когда они смогут. Они тоже хотели с вами познакомиться, я говорил им про вас.

– Ты же обо мне ничего не знаешь.

– Так расскажите, Василий Николаевич.

Две недели одиночества и сорокаградусное лекарство, принятое до прихода Бори, сделали учителя истории более словоохотливым, чем обычно, и он кивнул.

* * *

Когда немцы напали на Советский Союз, Вася гостил в небольшом украинском городке у бабушки. Во время одного из налётов фашистской авиации бабушку убило осколком бомбы, а он чудом остался жив. Соседи отдали его в детский дом. Мать Васи, Ирина, узнав о начале войны, тотчас же поехала за ним из Москвы, где она жила с мужем. Когда она добралась до детского дома, ей сказали, что Вася умер.

– Вы его похоронили? – спросила она.

– Нет.

– Где он?

– В морге.

– Я хочу его видеть.

Медсестра – усталая пожилая женщина – дала ей ключи от морга и свечку. Морг оказался обычным подвалом. Дверь туда была не заперта, и как только Ира её открыла, маленькие тени бросились от неаккуратно сложенных трупов, занимавших большую часть комнаты.

«Крысы», – подумала она, и ей стало жутко от того, что её плоть и кровь, её ребёнок мог быть съеден этими тварями.

Она нашла Васю, взяла его на руки и заплакала, крепко прижав к груди. Она не смогла сохранить ему жизнь и решила хотя бы похоронить его по-человечески.

Узнав, где находится кладбище, она понесла туда сына, но по дороге ею овладело какое-то странное чувство. Что-то было не так. Она не могла понять, что именно, и только крепче прижимала Васю к себе. Вдруг она остановилась. Тело её сына было тёплым. Она решила, что бредит, дошла до ближайшей скамейки, села и попробовала губами его лоб. В этот момент он открыл глаза. От страха и радости она чуть не потеряла сознание. Руки её задрожали, и она разрыдалась.

Воскрешение Васи перевернуло её сознание. Она решила, что Бог совершил чудо, и у её сына великое предназначение. Эта уверенность поддерживала её во время тяжёлого пути в Москву.

За время её отсутствия муж ушёл на фронт, а после окончания войны вернулся со звездой Героя Советского Союза. Их соседи по коммунальной квартире погибли, и Горюновы заняли принадлежавшие им комнаты, став единственными владельцами очень большой квартиры. С этого момента Ирина уже не сомневалась, что находится под защитой Всевышнего. Она стала регулярно ходить в церковь и тайком от мужа крестила Васю.

В шесть лет Вася нашёл дома Библию с иллюстрациями Доре и начал их копировать. Ира показала рисунки сына своему духовному пастырю, отцу Никодиму, и тот посоветовал ей учить Васю рисованию. Она так и сделала, но вскоре её муж умер, и, хотя она получала пенсию как вдова Героя, на жизнь не хватало. Пытаясь хоть как-то помочь матери, Вася после седьмого класса поступил в художественное училище и стал получать стипендию.

Священник предложил ему написать картину из жития святых. Вася написал триптих, который привёл заказчика в восторг. Особенно понравилось ему, что мальчик продемонстрировал прекрасное знание Библии, и отец Никодим рекомендовал несовершеннолетнего богوماза своим коллегам.

За три года студент художественного училища расписал несколько десятков подмосковных церквей. Его картины гораздо больше были похожи на бытовые сцены из жизни селян. Единственным указанием на божественный характер героев служили чуть заметные нимбы над их головами.

Пропуски занятий вызвали недовольство руководства училища, а когда выяснилась их причина, Васю исключили из комсомола, объявили строгий выговор и вызвали на педсовет. Там его стали отчитывать, а он, оправдываясь, привёл в пример художников Возрождения, писавших на религиозные темы.

Директор прервал его, заявив, что теперь другое время, оно ставит перед работниками культуры принципиально новые задачи. Современный художник должен создавать произведения, понятные народу и воспевающие свободный труд.

Спорить с директором было бесполезно. Он во всём придерживался официальной точки зрения и от своих учеников требовал того же. Однажды на его уроке они разбирали рисунки Пушкина, и Вася сказал, что Пушкин рисовал весьма посредственно, просто он набил себе руку и мог набросать вполне сносный портрет, но это не искусство.

Тогда это вызвало недовольство директора, теперь же пререкания с ним вообще могли закончиться отчислением из училища. Для Васиной матери это было бы тяжёлым ударом, и ради неё он решил покаяться.

Директор, закончив обвинительную речь, потребовал от Васи обещания больше не работать в церквях.

Вася пообещал.

А вечером ему позвонил Арутюнов. Про него ходили самые разные слухи. Студенты говорили, что у него было несколько жён и много детей, но теперь он жил один, а в училище преподавал от скуки. На жизнь Арутюнов зарабатывал портретами вождей. Он пригласил Васю к себе, долго расспрашивал его, сочувственно кивал и говорил, что тоже вырос в бедной семье и вынужден был пробиваться сам. Ему очень хотелось стать хорошим художником, но скоро он понял, что материальное благосостояние невозможно сочетать с настоящим искусством. Он предпочёл деньги и стал писать портреты государственных деятелей. Иногда ему помогали студенты художественного училища. Для них это была возможность подработать и познакомиться с полезными людьми.

– Если ты хочешь, я возьму тебя в подмастерья, – сказал Арутюнов.

– Хочу, – ответил Вася.

Его новый работодатель в числе немногих избранных имел право не только на воспроизведение лиц, приближённых к особе императора, но даже и на изображение Самого. Пробыться к этой кормушке было гораздо сложнее, чем к богوماзанию, потому что, в отличие

от образа Создателя, который никому не был известен, портреты верных марксистов-ленинцев должны были быть одобрены специальной комиссией. Происходило это следующим образом. Сначала делали высококачественную фотографию члена Политбюро, затем её увеличивали и, используя как образец, создавали заготовку. Работа была очень ответственная, ибо, с одной стороны, надо было сохранить сходство с оригиналом, а с другой изобразить его так, чтобы его физиономия не выдавала откровенной глупости. После предварительного одобрения, художники доводили портрет и представляли его на рассмотрение специальной комиссии. Затем портрет утверждался, и его можно было продавать, а так как в любом учреждении Советского Союза должно было быть изображение хотя бы одного слуги народа, то художники, допущенные до бородки Ленина, бровей Брежнева или лысины Хрущёва, имели надёжный кусок хлеба. Конечно, многое зависело от коммивояжёра, но у Арутюнова он был выше всяких похвал. Он продавал вождей поштучно, получая за каждого цену, пропорциональную занимаемой должности¹. Недавно ему удалось сторговать оптом всех членов Политбюро. Закупило их главное управление бань, которым руководил сын одного из изображённых. Главный банщик страны был безнадёжным пьяницей. Папаша, желая пристроить отпрыска на хлебное место, создал для него Управление, отвоевал у Министерства культуры только что реставрированный дворец Юсупова, в котором хотели сделать музей, и выбрал сыну подходящего помощника. Заместитель ничего не стал менять во внутренней отделке Юсуповского дворца, выделив своему боссу барскую спальню, где тот и почивал в княжеской кровати после очередного запоя. Остальные работники располагались в бальной зале, не очень часто нарушая её тишину своим присутствием. Портреты предков князя, увековеченные знаменитыми художниками, заместитель трогать не велел, а между ними приказал развесить портреты членов Политбюро. Портрет же идейного создателя Управления он приобрёл в двух экземплярах – один для танцевального зала, другой в барскую спальню.

Через некоторое время Арутюнов стал бороться со своими многочисленными конкурентами за очень крупный заказ к очередной годовщине Октябрьской революции. После длительного сражения и многочисленных интриг он победил, но времени на работу осталось мало, и ему срочно требовался помощник, а так как Вася имел опыт писания святых, то, по мнению Арутюнова, членов Политбюро во главе с Бровеносцем он мог намалевать одной левой.

Картина называлась «Речь Генерального секретаря на съезде КПСС» и представляла собой огромное монументальное полотно. Арутюнов показал Васе эскизы будущей картины и предложил разработать образы делегатов Съезда – рабочего, колхозницы и представителя творческой интеллигенции.

Воодушевлённые речью Генерального секретаря, они должны были стоя аплодировать докладчику. Вася за несколько дней сделал наброски, которые так понравились Арутюнову, что он почти полностью передоверил ему работу и уговорил директора училища разрешить студенту Горюнову свободное посещение занятий. Так за один год Вася из никому неизвестного третьекурсника стал сначала самым популярным диссидентом, а потом привилегированным любимчиком начальства. Арутюнов не мог нарадоваться на своего помощника. Он не знал, что, кроме его картины, Вася работает и над своей, очень похожей по композиции, но гораздо меньшей по размерам. На полотне Васи Генеральный секретарь, стоявший на подиуме, являлся карикатурой на самого себя: чуть более лохматые брови, значительно более мутные глаза и полуоткрытый рот, пытающийся произнести трудновыговариваемое слово. Бурно аплодирующий рабочий тоже был не совсем типичной фигурой, кочующей в советском изобразительном искусстве с одного полотна на другое. В Васиной интерпретации у этого представителя пролетариата глаза блестели не только от мудрых слов главного коммуниста Советского Союза, но и

¹ В действительности, все портреты стоили одинаково, так что основателя советского государства, Ленина, можно было купить за ту же цену, что и Горбачёва, который это государство развалил.

от водки, которую он принял со своими товарищами по классу перед заседанием. Горлышко бутылки торчало у него из бокового кармана пиджака.

Рядом с рабочим Генеральному секретарю аплодировала колхозница, гордо выставив вперёд свою необъятную грудь. За ней пристроился тощенький интеллигент в очках. Сильно подавшись вперёд, он с нескрываемым интересом заглядывал в декольте соседки.

– Арутюнов это видел? – спросил Боря.

– Да, и сказал, что если можно было бы повесить наши картины рядом, то зрителей было бы гораздо больше, да вряд ли мы доживём до того, когда это разрешат. А, поскольку, выставляться надо сейчас, то работать приходится в стиле социалистического реализма, тем более, что не мы этот стиль изобрели.

– Как это, не мы? – хмыкнул Боря.

– А ты не знаешь? – удивился Василий Николаевич, – Эх ты, темнота. Ну, тогда слушай.

В древние времена, когда мир был ещё молод, падишах вызвал придворного художника и потребовал написать свой портрет. У владыки правая нога была скручена радикулитом, а на левом глазу бельмо. Художник так и изобразил своего господина, и падишах приказал его казнить.

Этот мастер был представителем реалистической школы.

Затем владыка велел другому художнику увековечить свой образ. Портретист, зная о судьбе предшественника, написал деспота с ногами одинаковой длины и глазами без единого дефекта. Увидев такую явную лезть, владыка вознегодовал ещё больше и приказал казнить подхалима.

Этот мастер был представителем романтической школы.

Затем падишах разослал гонцов, чтобы найти смельчака, способного, наконец, написать его правдивый портрет. На зов откликнулся доброволец. Такой, знаешь, в кожаной куртке, кобура на поясе и партбилет в кармане. Он искренно любил величайшего владыку всех времён и народов, готов был за него в огонь и в воду, считал его непогрешимым, а все его решения – единственно верными. Он изобразил падишаха во время охоты верхом на лошади, круп которой закрывал большую ногу. Сам же владыка целился из ружья в бегущего навстречу льва, поэтому глаз с бельмом был закрыт. Падишаху эта картина так понравилась, что он щедро наградил художника, присвоил ему звание народного и сделал президентом Академии Художеств.

Этот художник был представителем социалистического реализма.

Так вот, Арутюнов настоятельно советовал мне работать именно в этом стиле и обещал со временем помочь стать членом Союза Художников.

– Ну и помог?

– Конечно.

– А зачем же вы в школе преподаёте?

– За членство деньги не платят, а жить на что-то надо. Я бы с удовольствием преподавал историю искусств, но в школьной программе такого предмета нет, поэтому мне дали обычную историю и рисование. Вот так. А теперь скажи, почему вы переехали в Москву? Я видел, как ты обиделся, когда я назвал Ригу глушью. Наверное, твои родители тоже любят город, в котором жили.

– Они и не хотели никуда переезжать, – сказал Боря, – их выжил оттуда академик Гайлис.

** *

А началось это с того, что невестка академика, Агнесса, уложив сына и убедившись, что он заснул, поехала в ресторан.

Там отмечали юбилей её тестя, академика Питерса Юриса Гайлиса, и она ни за что не хотела пропускать эту встречу, потому что на ней собрался весь рижский бомонд. В спешке Агнесса забыла включить ночник. Она специально купила эту маленькую лампочку, потому

что её мальчик боялся темноты. Он спокойно проспал несколько часов, а проснувшись, позвал мать. Ему никто не ответил, он испугался, начал метаться на кровати, перевернул её и, упав на пол, больно ударился, после чего стал кричать и плакать. Вернувшись, родители увидели перевёрнутую кровать, промокшего от пота ребёнка с шишкой на лбу и сразу же позвонили в скорую. Дежурная выяснила, в чём дело, записала адрес и сказала, что в городе гололёд, очень много пострадавших и все машины на вызове.

– Я сын академика Гайлиса, – заявил Эдуард, – я требую, чтобы ко мне послали бригаду вне очереди.

Дежурная не знала, чем знаменит академик Гайлис, но спорить с Эдуардом не стала и, чтобы снять с себя ответственность, посоветовала ему обратиться к Софье Борисовне Коган, которая не только работает в специализированной поликлинике Академии Наук, но и подрабатывает на скорой помощи.

Эдуард позвонил Коганам в час ночи, а когда Софья Борисовна взяла трубку, сказал, что у его сына очень высокая температура, мальчик метался во сне, перевернул кровать и не переставая плачет.

– Вызовите неотложку, – посоветовала Софья Борисовна.

– Мы вызывали, но нам сказали, что машина приедет не раньше, чем через два часа, а у нас ситуация критическая, и я хочу, чтобы ребёнка срочно посмотрел специалист.

– Когда он перевернул кровать?

– Не знаю, думаю, полчаса назад.

– Неужели вы не слышали?

– Нет, то есть да.

– Почему же вы сразу не позвонили?

– Я надеялся, что обойдётся.

– Вас в это время не было дома?

– Это неважно.

– Я врач, я должна знать предысторию. Как долго ребёнок был один?

– Часа три.

– Вы давно пришли?

– Полчаса назад.

– Где мальчик в данный момент?

– С матерью.

– Он плачет?

– Нет.

– Если он не спит, дайте ему тёплого молока, а если заснул, не будите и приходите с ним завтра в поликлинику.

– Я хочу, чтобы вы его посмотрели сегодня.

– Сегодня не получится.

– Вы же давали клятву Гиппократата!

Отец Бори, Яков Семёнович, слышавший весь разговор, взял у жены трубку и сказал:

– Сейчас врач очень занята, она перезвонит вам через пять минут и обо всём договорится.

Дайте мне, пожалуйста, свой точный адрес и номер телефона. Так... хорошо... понятно... А теперь слушайте внимательно. Доктор выполняет свою клятву в поликлинике, с семи утра до четырёх вечера, и, когда протрезвеете, приносите своё чадо туда.

– Вы знаете, с кем вы говорите! Я сын академика Гайлиса!

– Питерса Юриса Гайлиса? – спросил Яков Семёнович.

– Да.

* * *

Питерс Юрис Гайлис вёл в их институте семинары по истории и марксистско-ленинской философии. Правда, тогда он называл себя Пётр Юрьевич. Его настоящее имя студент Яша Коган узнал, когда готовился к докладу о роли красных латышских стрелков в гражданской войне. Делать доклад надо было на областной партийной конференции, а взялся Коган за него, чтобы получить освобождение от экзамена. Тему выбрал ему сам Гайлис и в качестве главного источника дал свою диссертацию. Во время подготовки Яша спросил преподавателя, не знает ли он о латышских стрелках, которые сражались против Красной армии. Вопрос Гайлису очень не понравился. Он не хотел вспоминать о тех, кто сражался по другую сторону баррикад, потому что среди них были его родные братья. Сам же он убежал в Минск и сменил имя именно потому, что не разделял их взглядов. Признался он в своём родстве только в конце жизни, когда Латвия отделилась от Советского Союза и в официальной печати вновь образовавшейся республики время, проведённое в дружной семье советских народов, стали называть рабством, а всех сражавшихся против вступления в Советский Союз перевели из врагов народа в национальные герои.

Студенты недолюбливали Гайлиса, считали его демагогом, а однажды на вечеринке в общежитии даже разыграли миниатюру, высмеивавшую его семинары. Кончилась эта история печально: кто-то донёс начальству, и артистов отчислили из института.

* * *

– Да, – повторил Эдуард, прервав его воспоминания, – я сын академика Гайлиса.

– А я инвалид войны, – ответил Яков Семёнович, – у меня от ранения бывают приступы шизофрении, во время которых я за себя не отвечаю. Могу, например, прийти к соседям и учинить мордобой. Так что меня лучше не раздражать, понял? – и, не дожидаясь ответа, повесил трубку.

Но заснуть Яков Семёнович не мог и долго ещё ворочался с боку на бок. Он вспоминал рассказы своих сокурсников о Гайлисе, который быстро делал карьеру. После войны Питерс Юрис Гайлис оказался в Латвии и защитил докторскую диссертацию, в которой писал, что в Литве, Латвии и Эстонии в 1940 году произошли революции, и все три государства обратились к советскому правительству с просьбой принять их в семью советских народов. Всесоюзная Аттестационная Комиссия утвердила диссертацию в рекордно короткий срок, а соискателя скоро выбрали в Латвийскую академию наук. Проворочавшись до трёх часов ночи, Яков Семёнович Коган поднялся и, плотно закрыв дверь, вышел в коридор. Там он достал бумажку и набрал номер, а когда Гайлис-младший снял трубку, извинился, что грубо разговаривал с ним несколько часов назад и спросил, как себя чувствует больной. Спокойно выслушав ругань, он напомним, что врач принимает с семи утра.

Эдуард пожаловался отцу, и академик пришёл в ярость. Ветеранство в глазах Питерса Юриса вовсе не было заслугой. Ещё неизвестно, какой стала бы Латвия, если бы победили немцы, но поскольку сделать с Коганом он ничего не мог, то написал большую статью в центральной газете о недобросовестном отношении некоторых врачей к своей работе и в качестве примера привёл случай, который произошёл с его внуком. Софью Борисовну он представил крайне неквалифицированным педиатром, а её мужа – пьяницей и дебоширом. Вскоре многочисленные подхалимы сделали жизнь семьи Коганов невыносимой. Софье Борисовне пришлось уйти из специализированной поликлиники. Она устроилась в больницу, где зарплата была гораздо меньше, но и там продолжались мелкие придирки сотрудников, выслуживавшихся перед начальством. Через год семья Коганов обменяла свою квартиру в Риге на комнату в небольшом подмосковном городке.

* * *

Когда Боря закончил свой рассказ, дверь открылась и в комнату вошла кающаяся грешница с картины Горюнова. У неё была другая причёска, более современная одежда, и выглядела она гораздо старше, но Боря был уверен, что именно она была прототипом.

– Знакомься, мама, – сказал Василий Николаевич, – это мой ученик, Боря Коган. Он пришёл меня проповедать, то есть проведать.

– Не богохульствуй, – одёрнула его мать, – а мальчика лучше чаем напои.

– Да нет, спасибо, я не хочу, – сказал Боря, – мне уже домой пора.

– Видишь, мама, ему всё время пора домой, когда надо что-то делать. Моделью работать или чай пить. Я правильно говорю, остряк из Риги?

– Я бы и ходил на ваш кружок, но у меня нет способностей к рисованию.

– Значит, ты не будешь великим художником, ты просто научишься рисовать, но всё равно это тебе не помешает.

Когда Василий Николаевич выздоровел, Коганы пригласили его в гости. После этого он закончил портрет Софьи Борисовны и написал даже их соседку по коммунальной квартире – Тамару. Он изобразил её сумасшедшей. В лохмотьях, не прикрывающих её отталкивающей наготы, она плясала на базарной площади. Вокруг стояли люди и, усмехаясь, показывали на неё пальцами. Картина называлась «Божья кара».

– Почему вы решили, что Тамара ненормальная? – спросил Борис.

– Я её такой вижу.

– Конечно, она странная женщина, но ведь у каждого есть причуды.

– Это не причуды, Боря, это безумие.

– Вы уверены?

– Конечно, уверен, я же художник. Я вот и тебя написал. Не такого, какой ты сейчас, а такого, каким ты будешь лет через сорок, – Горюнов показал ему акварель.

– Это не я, – сказал Боря, – это даже не мой отец.

– Возьми, придёт время, сравнишь. Я хотел пофантазировать, особенно после того, как познакомился с твоими родителями.

Борис скептически хмыкнул и сказал:

– Спасибо, Василий Николаевич, я буду хранить ваш шедевр в специальном месте, как Дориан Грей, а потом сравню с оригиналом.

– И что ты сделаешь, если обнаружишь сходство?

– Пока ещё не знаю, – честно признался Боря.

– Ну, тогда приходи на кружок рисования, это поможет тебе узнать.

– Хорошо, приду.

Кабинет Горюнова отличался от всех остальных помещений школы. На стенах висели принты известных картин, а парты, стулья и учительский стол были недавно выкрашены и выглядели гораздо новее, чем в других аудиториях.

Василий Николаевич начал занятие с того, что напомнил основные правила композиции, затем взял свой стул, поставил его сначала на одно место, потом на другое и, наконец, взгромоздив на преподавательский стол, сказал:

– Представьте себе, что на этом стуле пять минут назад произошло убийство, сделайте его центром картины и изобразите так, как вы его видите.

Боря стал вспоминать сцены насилия из разных фильмов, но ничего интересного в голову не приходило, и он нарисовал красный стул с изогнувшимися под тяжестью преступления ножками. Горюнов ходил между рядами и смотрел на работы учеников, никак их не комментируя. Советы он давал, только когда его спрашивали. Пока ребята рисовали, он напомнил, что следующее занятие будет посвящено импрессионистам и пройдёт в Музее изобразительных искусств им. Пушкина, потому что там находится одна из крупнейших в мире коллекций французских художников.

Это была первая поездка Бори в московский музей, и она произвела на него сильное впечатление. Разница между столицей Советского Союза и Ригой была огромна, и он жалел,

что за всё это время ещё ни разу не был в Москве. По пути домой он спросил у Горюнова, не собирается ли Василий Николаевич в ближайшее время повезти их куда-нибудь ещё.

- Например?
- В театр.
- В какой?
- В Вахтангова, на «Принцессу Турандот».
- Это же детский спектакль, – удивился Горюнов.
- Я знаю, – ответил Боря.
- А почему ты вдруг захотел эту принцессу?
- Так... – неопределённо ответил Боря.

* * *

Началось это ещё в Риге, когда ему было десять лет, и в его обязанности входила еженедельная уборка квартиры. Отец посоветовал ему совмещать приятное с полезным и наводить порядок, когда идёт передача «Театр у микрофона».

В тот раз транслировали «Принцессу Турандот». Боря закончил уборку к концу первого действия, но остался и дослушал пьесу до конца. Потом отец спросил, кто из артистов понравился ему больше всего.

- Ведущий, – ответил Боря, – мне кажется, он много импровизировал.
- Да, – согласился Яков Семёнович, – но все эти импровизации хорошо отрепетированы.
- Откуда ты знаешь?
- Я так думаю. В этом и заключается мастерство артиста. Он должен внушить зрителю, что действие развивается перед его глазами.
- Папа, пойдём с тобой в театр!
- Этот театр находится в Москве.
- Но ведь у нас тоже есть.
- Хорошо, обязательно пойдём, а пока ты можешь слушать постановки по радио.

Хотя доставать билеты и ездить на представления Якову Семёновичу было физически тяжело, он вскоре повёз сына в театр. Боре там не понравилось: костюмы артистов показались заношенными, а декорации невзрачными. Чтобы у него не пропал интерес, отец стал внимательно следить за программой передач, напоминая, когда будет следующая трансляция. Постепенно Боря привык слушать «Театр у микрофона» и обсуждать постановки с отцом. Иногда к ним присоединялась и Софья Борисовна. Делать это она могла очень редко, потому что кроме поликлиники работала ещё на «Скорой», но если была дома, то обязательно принимала участие в разговоре. Для них это стало почти такой же традицией, как семейный обед.

Драка в школе

В самом конце последней четверти в классе появился новый ученик – Володя Рошин. Он быстро подружился с Лёней Сметаниным, и они стали называть друг друга Лёнчик и Вовчик. Оба были второгодниками, гораздо здоровее своих одноклассников и вели себя как хозяева. Девушек они не трогали, но ребят задирали при каждом удобном случае. Главной их мишенью стал Боря. Он не отвечал на их обидные реплики и старался избегать встреч с ними, но они хотели продемонстрировать свою силу, и однажды Рошин преградил ему путь.

– Я слышал, что ты сечёшь в математике, – сказал он.

– Секу, – ответил Боря.

– И домашнее задание, небось, сделал?

– Сделал.

– Дай списать.

Боря, наверное, и дал бы, если бы Рошин попросил его другим тоном, но теперь, когда на них смотрели одноклассники, он отрицательно покачал головой.

– Чего головой мотаешь?!

– Сам делай.

– Что? – сказал Вовчик и схватил его за ухо. В этот момент вошёл преподаватель, и Рошин нехотя отпустил свою жертву, но с этого дня жизнь Бори стала невыносимой. Другие ученики были рады, что задирают не их, и делали вид, что не замечают Бориных мучений. Вовчик же не упускал ни одной возможности ущипнуть Борю, дёрнуть его за волосы или пнуть локтем в бок. Иногда то же самое проделывал Лёнчик. Они не торопились к своей жертве, зная, что она от них никуда не уйдёт. Не на этой перемене, так на следующей, не в школе, так после уроков, не сегодня, так завтра, но свою порцию он всё равно получит.

Боря стал бояться перемен, старался выйти из класса вместе с преподавателем, а потом вместе с другим преподавателем войти. Он прятался от своих мучителей, но это не помогало. Отец видел, что Боря изменился, и несколько раз пытался поговорить с ним, но сын отмалчивался. Наконец, уже после окончания учебного года, улучшив момент, Яков Семёнович запер Борю и сказал:

– Я тебя никуда не выпущу, пока ты всё мне не расскажешь.

И Боря рассказал.

– Что ты думаешь делать? – спросил отец.

– Переведи меня в другую школу, – попросил Боря.

– Там может оказаться другой Рошин.

– Тогда поговори с его матерью.

– Чем она занимается?

– Работает на заводе.

– А отец у него есть?

– Нет, он умер.

– Откуда ты знаешь?

– Я однажды слышал, как он сказал это своему другу. Он хвастал, что после смерти отца он стал главой семьи, и мать его во всём слушает.

– Понятно.

– Что мне делать?

– Нанести ему два точных удара: один ногой по яйцам, а второй в голову. Бить надо изо всей силы, чтобы он уже не встал. И если ты быстро уложишь Рошина, то его приятель не успеет вмешаться.

– А потом?

- Потом то же самое проделаешь со Сметаниным.
- Я не умею, я никогда не дрался.
- Научись, другого выхода нет.

Боря и сам часто мечтал о том, что расправится со своими обидчиками, и отец как будто прочёл его тайные мысли.

- Что молчишь? – спросил Яков Семёнович.
- Я не сумею.
- Значит, терпи и не жалуйся.
- Неужели тебе всё равно?

– Я готов тебе помочь и прослежу за тем, чтобы у тебя всё получилось, но делать ты всё должен сам.

– Как?

– Сделай чучело, отметь место, в которое должен бить, и тренируйся. Лето только начинается, и ты можешь упражняться на улице. Потом я поговорю с мамой, и ты перенесёшь чучело домой. Кроме того, тебе нужно отработать боксёрские движения. Я куплю две килограммовые гантели. Прыгай с ними минут по двадцать и работай руками, как на ринге. Это тебе пригодится, чтобы увереннее себя чувствовать, но самое главное – удары ногой.

- Я же могу их покалечить, – сказал Боря.
- Не можешь, а должен.
- Но как же...
- Если тебе их жалко – терпи.

– Я не могу терпеть, ты не представляешь, что это такое. Ты, наверное, учился с нормальными ребятами.

– Я очень хорошо представляю, поэтому и хочу, чтобы ты выяснил отношения с ними раз и навсегда. Ты должен поставить их на место, потому что, если будешь молчать, жизнь твоя превратится в сплошной кошмар. Это война, а значит, вести себя нужно, как на войне. Я тебе раньше никогда не рассказывал, но, наверное, зря. Ты знаешь, что я был в гетто?

- Да, мама мне говорила.
- А ещё что-нибудь она тебе говорила?
- Нет.

– Ну, тогда слушай. Фашисты нас не особенно охраняли, и через некоторое время из лагеря бежала небольшая группа евреев. Они столкнулись с отрядом латвийцев, которые называли себя народной армией и поддерживали порядок в районе. Они задержали беглецов и передали их немцам, а командира группы закопали живём. Фашисты всех расстреляли. Мы узнали об этом из специального приказа, который нам с удовольствием зачитал наш бригадир. Мы понимали, что оставаться в лагере нельзя, и решили действовать по-другому. Сформировав отряд в пятьдесят человек, мы пошли на прорыв и первым делом захватили хутор, через который шла единственная дорога на волю. В нём мы расстреляли всех мужчин. Все они были членами народной армии. Остальных мы собрали в сарае, облили сарай бензином и подожгли. Многим удалось бежать, но мы специально их не трогали, чтобы они рассказали о случившемся. После этого из гетто убежали все, кто мог.

В лесу мы образовали партизанский отряд. А поскольку командование осуществляла советская армия, наш отряд слился с русским отрядом. У моего друга Изи была шуба, а это в лесу большая ценность, и один из русских командиров предложил обменять её на пачку папирос, хотя знал, что мой друг не курит. Изя, естественно, отказался и посоветовал «старшему брату» во время следующего рейда убить немецкого офицера и взять его шубу себе. Вскоре группа, куда входил мой друг, отправилась на задание. Первым делом партизаны пошли в ближайшую деревню к девочкам, которые оказались патриотками: партизанам они давали бесплатно, а немцам только за продукты. Командир отряда со своими друзьями решил отметить

встречу, а Изю поставили охранять избу. Он простоял на холоде часа два и, решив, что за это время бойцы уже успели развлечься, вошёл внутрь, но был самый разгар веселья.

– Ребята, имейте совесть! – сказал он.

– Ты нарушил приказ, – закричал уже хорошо выпивший командир, и застрелил его на месте, а шубу забрал себе. Вернувшись, он сказал, что Изя расстрелян за трусость.

В тот же день я с несколькими друзьями пошёл в деревню и попросил девочек рассказать, что произошло на самом деле, а поскольку времени у нас не было, предупредил, что если они будут врать или играть в молчанку, мы их всех перережем. Они не поверили, а одна даже стала пародировать наш акцент. Я тут же расквасил ей морду, и они всё рассказали. В следующий раз мы попросились на задание вместе с группой партизан, которые убили моего друга. Улучив момент, мы их всех перестреляли, а вернувшись, доложили, что они пали смертью героев. Шубу, естественно, мы принесли с собой. Все поняли, что произошло, и после этого нас никто не трогал.

Боря сидел ошарашенный. Он не мог поверить, что его отец способен на такое, и смотрел на него широко открытыми глазами. Отец видел, какое впечатление произвёл его рассказ, и не жалел о том, что немного сгустил краски.

– Это был единственный способ выжить, – сказал Яков Семёнович, – если бы мы так не поступили, то не вернулись бы с фронта, я не женился бы на твоей матери, и тебя не было бы на свете. Так что ты должен быть мне благодарен.

– Спасибо, – тихо сказал Боря.

– Но это ещё не всё, – продолжил отец, – твоя мама, прежде чем выйти за меня замуж, предупредила, что рожать больше не будет. Она достаточно намучилась при родах первенца, который прожил всего три дня, и больше рисковать не хотела. Конечно, тогда я с ней спорить не стал, но потом сумел её переубедить. Ведь для каждого из нас это был второй брак. Наши первые семьи погибли во время войны, и я думаю, втайне она тоже хотела ребёнка, но это уже другая история.

На следующий день Боря сделал из мешка подобие чучела и стал тренировать удар ногой. Когда он уставал от этих однообразных упражнений, то прыгал с гантелями. Ни то, ни другое ему не нравилось, но отрабатывать точность удара было необходимо. Недели через три он купил воздушные шары и стал привязывать их на нитке к мешку так, чтобы шар находился на уровне головы. После удара ногой он хватал шар и разбивал его о своё колено. Было это непросто, потому что от малейшего движения воздуха шар могло отнести в любом направлении. Хотя Боря чередовал упражнения, они быстро ему надоедали. По совету отца он делал их по полтора часа в день, а для того чтобы выдержать такую нагрузку, во время прыжков с гантелями представлял себе, что бьёт Вовчика или Лёнчика. К концу лета его движения были доведены до автоматизма. За два месяца он сильно вытянулся и по росту почти догнал Рощина, а постоянные тренировки сделали его уверенным в себе. Тем не менее перед первым сентября он сильно нервничал и плохо спал.

– Не бойся, – сказал Яков Семёнович, провожая его в школу, – и не спеши, жди, пока Рощин сам подойдёт к тебе, смотри ему прямо в глаза, а когда он приблизится на нужное расстояние, бей. И никакой жалости.

Всё произошло, как и предсказывал отец. На большой перемене Вовчик, ухмыляясь, направился к Боре.

– Ну, как отдохнул, Коган? Небось, к морю ездил?

Боря молча смотрел на него.

– Что молчишь? Язык со страху проглотил?

Боря действительно боялся предстоящего столкновения, а Рощин, подходя к нему, уже твёрдо решил его избить. Он видел, что бывшая жертва стала почти с него ростом и раздалась в плечах, так что теперь особенно важно было доказать свою силу. Вовчик протянул правую

руку, чтобы ушипнуть Когана, но Боря опередил его, ударив ногой в пах. Рошин глухо охнул и согнулся пополам, но ещё до того как он упал, Боря схватил его за волосы и со всей силы припечатал физиономией к своему колену. Всё это заняло не более пяти секунд. Ещё через пять секунд Лёнчик тоже был на полу, а Боря, подтащив Вовчика к его ближайшему приятелю, схватил обоих за волосы и изо всей силы ударил головами. Он собирался проделать это ещё несколько раз, но кто-то схватил его сзади медвежьей хваткой.

– Отпусти, гад, – крикнул Боря, пытаясь высвободиться.

– Не пущу, ты их убьёшь.

– Не твоё дело.

– Моё, – возразил незнакомец.

Как Боря ни пытался вырваться, сделать он ничего не мог. Он даже был не в состоянии пошевелиться.

Незнакомца звали Саша Иванов, это был его первый день в школе, и с этого дня началась дружба, которая связала ребят на всю жизнь.

Они очень много времени проводили вместе. Часто они помогали Сашиному отцу ремонтировать его допотопную «Победу», за что получали право катать на ней своих одноклассников. Иванов-старший был отличным механиком, и к нему за помощью обращались почти все соседи по гаражу. Со временем он стал доверять ребятам простой ремонт, благодаря чему они всегда имели карманные деньги.

* * *

Вскоре после разборки с Рошиным Яков Семёнович завёл с Борей разговор об институте. Они обсуждали эту тему и раньше, но до сих пор дело ограничивалось воспитательным монологом. Яков Семёнович внушал сыну, что бежать жизненный марафон ему придётся с гириями в руках, и если он не хочет прийти к финишу последним, то работать он должен гораздо больше, чем другие. Для начала надо получить медаль, чтобы легче было поступить в институт, а потом выбрать хорошую специальность, которая обеспечит кусок хлеба.

Но Боря ещё ничего не выбрал. Несмотря на то, что он уже неплохо изучил устройство легковых автомобилей, делать это своей специальностью он не собирался. Кроме того, он твёрдо знал, что в медицинский тоже не пойдёт. Там нужно учить латынь, а он не любил иностранные языки. После того как он понял, что поездки за границу ему не светят, он и английский учил спустя рукава. На вопрос отца, куда он собирается поступать, он ответил:

– В историко-архивный.

Яков Семёнович шутку не оценил и разразился длинной тирадой о том, что для мужчины это не специальность. Конечно, она почти не требует затрат умственной энергии, потому что запомнить даты и события может любой дурак, но зато и семью прокормить с такой специальностью тоже невозможно. Самое же главное, история, которая на первый взгляд кажется безобидной наукой, является крайне опасной, ибо одни и те же события можно толковать по-разному, а неправильная интерпретация иногда приводит к весьма печальным последствиям. Он сам видел это, когда учился в институте. Четверо его сокурсников в общежитии исполнили сценку, пародировавшую семинар по марксистско-ленинской философии, которую вёл Пётр Юрьевич Гайлис.

Миниатюра была такая: преподаватель спросил, в чём состоит роль человеческого фактора в борьбе с враждебной идеологией. Студенты подняли руки, и он выбрал одного из них. Тот встал и вылил ковш воды. Преподаватель одобрил его ответ и попросил другого студента дополнить. Тот поднялся и вылил стакан воды. Третий студент сказал, что хочет добавить и вылил рюмку воды. Преподаватель похвалил всех и сказал:

– А теперь разрешите обобщить, – и вылил ведро воды. После этого артистов выгнали из института и забрали в армию, но они ещё легко отделались: сыграй они свою миниатюру на несколько месяцев позже, могли бы загреметь в лагеря.

– В отличие от истории, техника всегда остаётся конкретной, – сказал Яков Семёнович, – и закон Ома одинаково справедлив для капиталистов, для коммунистов и для жителей неприсоединившихся стран. А самое главное, в гуманитарных институтах нет военной кафедры, и после получения диплома придётся идти в армию.

– Ну и что? – спросил Боря, – все мои минские родственники служили.

– У них не было выбора. Самый высший уровень их образования – техникум, но если бы они могли избежать армии, то наверняка сделали бы это.

– Я говорил с ними, и все они вспоминали армейскую жизнь с удовольствием.

– Ты другой, ты там можешь сломаться, потому что в армии таких, как Рошин, каждый второй.

– Да я не очень туда и стремлюсь. Это я так просто сказал.

– Ну и хорошо, а что касается Минска, то скоро ты поедешь туда на очередную свадьбу.

– А вы с мамой?

– Маме некогда, а мне уже тяжело, – сказал Яков Семёнович.

Свадьба состоялась через полтора года. Боря встретился на ней почти со всеми родственниками, но особенно ему было приятно повидаться с Фимой.

* * *

Они познакомились, когда им было по пять лет. Отец привёз его на несколько дней, и Боре сразу понравилось в этом огромном доме с многочисленными пристройками, где жили три поколения его родственников.

Тогда он впервые увидел их вместе и тут же мысленно разделил на две большие группы – родители и дети. Одни всё ещё энергичные, жизнерадостные, но уже с проседью и лысиной, а другие только набирающие силу. Дети были очень похожи на родителей – ребята на отцов, а девушки на матерей. Наверное, сильны были фамильные гены, и природа не хотела отдавать того, что путём естественного отбора накопила за много поколений. Вокруг них была аура физического здоровья и душевного спокойствия. Даже его инвалид-отец среди них чувствовал себя гораздо лучше.

Боря так понравился им всем, что они упросили Якова Семёновича оставить его в Минске на всё лето. Ведь мальчику нужен свежий воздух, а здесь вокруг дома много фруктовых деревьев и огород, на котором Боря отработает свой постой. Он будет полоть клубнику и собирать смородину вместе со своим двоюродным братом Фимой.

Отца не нужно было долго уговаривать. Он вернулся в Ригу, оставив Борю в этом гостеприимном доме.

С тех пор каждый раз, когда Боря приезжал в Минск, родственники говорили ему, как он вырос и повзрослел. Он тоже видел, как менялись его тёти и дяди, становясь ещё более седыми, лысыми и морщинистыми. Они искренно радовались каждой встрече, и, попадая к ним, он чувствовал себя как дома, запросто общаясь со всеми. Он с удовольствием подходил к одному из своих многочисленных кузенов и, хлопнув по плечу, спрашивал, как дела, а выслушав рассказ, переходил к следующему.

Увидев Фиму после длительного перерыва, Боря повторил фразу, которую сам слышал в Минске много раз:

– Как ты вырос!

За полтора года, пока они не виделись, Фима действительно вымахал в огромного детину и выглядел гораздо старше своих лет.

– Да уж, я времени зря не теряю, – согласился тот.

– Я слышал, ты теперь учишься в физико-математической школе?

– Учусь.

– И как тебе там?

– Нормально.

– А куда ты пойдёшь после окончания?

– В МГУ. Жаль только, что он находится в Москве. Родители не смогут мне помочь, ведь моя сестра после развода осталась с двумя детьми, и они в первую очередь должны заботиться о ней.

– Я сначала тоже хотел в МГУ, но отец сказал, что туда берут только очень умных и только чистокровных арийцев.

– У любого правила есть исключения.

– И ты надеешься быть исключением?

– Третьим исключением. Первые два – это мои одноклассники Сеня Альтшуллер и Лёня Гольдин. Они вошли в пятёрку призёров на Всесоюзной олимпиаде по физике, и декан физфака лично пригласил всех пятерых на свой факультет. Он обещал им зачисление без экзаменов и повышенную стипендию.

– Надо же, – удивился Боря.

– Поэтому я и буду туда поступать. Кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Ты ведь тоже рисковал, когда набил морду Роцину. Как он, кстати, больше тебя не трогает?

– Нет, он с матерью куда-то переехал.

– А Сметанин?

– Остался на второй год.

– Вот видишь.

Фима Кац чем-то напоминал Сашу Иванова. Оба были высокие, сильные, уверенные в себе и готовые идти напролом. Сам Боря тоже мог действовать решительно, но для этого ему нужно было всё заранее обдумать, хорошо отрепетировать и психологически подготовиться.

После возвращения из Минска он колебался, выбирая между МГУ и автодорожным, но, когда Фима, сдав выпускные экзамены, приехал в Москву, вопрос был решён. Двоюродный брат быстро уговорил его штурмовать самый лучший вуз Советского Союза. Ведь даже если он и не поступит, то приобретёт опыт сдачи экзаменов. Правда, его медаль в данном случае никаких преимуществ не даст, потому что 95% поступающих в МГУ – медалисты.

В тот год в Университете было двадцать семь человек на место, но после письменной математики подавляющее большинство отсеялось. Ребята знали, что они прошли в следующий тур. Фима решил все задачи, а Боря – три из пяти.

– Ну, что ж, друзья, теперь начинается самое трудное, – сказал им Яков Семёнович, – потому что на устном экзамене подход к вам будет индивидуальный, и возможны всякие неожиданности.

– Я готов, – сказал Фима.

– Я тоже, – подхватил Борис.

– Для начала вам нужно узнать, когда следующий экзамен.

Через два дня перед входом на факультет уже висели составы групп, время экзамена и номер аудитории. Когда ребята искали свои фамилии, то увидели, что группы сформированы по национальному признаку. Яков Семёнович, узнав об этом, сказал:

– Я не ожидал, что они будут действовать так прямолинейно. Если хотите, я могу поехать на экзамен с вами.

– Это ничего не изменит, – возразил Фима, – я думаю, даже если нас будут предвзято спрашивать и необъективно оценивать, всё равно есть шанс. Нужно только ответить так, чтобы даже они ни к чему не смогли придраться. Приняли же моих друзей Альтшуллера и Гольдина.

– Я от всей души желаю, чтобы ты оказался прав, – сказал Яков Семёнович, – но рабы всегда выполняют приказы хозяев.

– Рабов можно припугнуть.

– Нет, с ними нельзя действовать как с Роциным.

– Почему?

– Потому что тогда вместо МГУ вы попадёте в тюрьму.

– Ладно, не будем, – согласился Фима, – я просто покажу экзаменаторам фотографии, которые висят у милиции с грифом «особо опасные преступники», скажу, что это мои братья, они слёзно просят поставить мне то, что я заслуживаю, иначе не ручаются за последствия.

– Ха-ха, – не улыбаясь, сказал Яков Семёнович.

* * *

Устную математику принимали два экзаменатора, которые, как многостаночники, спрашивали по несколько человек одновременно. Бегло просмотрев ответы на билет, они тут же давали абитуриентам дополнительные задачи. Первую Боря решить не смог. За ней последовала другая, над которой он бился так же безрезультатно. В это время преподаватель, спрашивавший Фиму, сказал:

– Ну, если вы не можете решить такой простой пример, то вообще непонятно, что вы здесь делаете.

Борин экзаменатор, прогуливавшийся по аудитории, подошёл к коллеге и спросил:

– А что он получил по письменной математике?

– Пятёрку.

– Наверное, списал.

– Я вам сдавать не буду, – зло сказал Фима, – я подам апелляцию и буду отвечать комиссии.

– Апелляционной комиссии для вас никто устраивать не станет, это университет, а не суд присяжных.

Фима молча встал, подошёл к столу и начал искать свой экзаменационный лист.

– Что вы делаете, вы заслужили двойку, и я вам её поставлю, – сказал экзаменатор, подходя к нему.

Фима схватил его за рубаху, повернул руку так, что воротник сжал его горло, и, медленно выговаривая каждое слово, произнёс:

– Если я получу двойку, ты получишь в пятак, понял? Экзаменатор оторопел от боли и наглости. Была середина 60-х годов, и абитуриенты МГУ относились к преподавателям с должным пиететом, а этот вёл себя как уличный хулиган. До сих пор такого рода инцидентов у экзаменатора не было, и он растерялся. Распоряжения ему были даны устно, и он прекрасно понимал, что если возникнут неприятности, всё свалит на него. Кроме того, этот Кац здоров как бык, и неизвестно, что у него на уме.

Боря смотрел на брата как замороженный. Сам он никогда бы не решился на такое, но пример Фимы так подействовал на него, что он встал, подошёл к столу и сказал:

– Я тоже буду отвечать комиссии.

К задыхавшемуся преподавателю наконец вернулся дар речи, и, стараясь выглядеть решительным, он с трудом проговорил:

– А ну отпусти.

Фима оттолкнул его и, найдя экзаменационный лист брата, протянул его Боре. Отбирать у них документы никто не решился.

На апелляционной комиссии Боря и Фима ответили на все вопросы, но по неписанному закону им поставили тройки, а следующий экзамен по английскому они сдать не смогли. Фима вернулся в Минск, а Боря вместе с Сашей Ивановым поступил в Московский автодорожный институт. Там, как и в школе, предметы давались ему легко, и после первого семестра он даже получил повышенную стипендию, но разница между повышенной и обычной была настолько незначительной, что стараться не стоило. Он и не усердствовал, особенно если дело касалось общественных дисциплин.

Два друга

В институте Боря подружился с Володей Мухановым. Его новый товарищ не прошёл по конкурсу в театральное училище и выбрал автодорожный только потому, что здесь был один из лучших Студенческих Театров Миниатюр. Володя приехал в Москву из небольшой деревни под Богородском (так он упорно называл Ногинск). У руководителя студии – артиста Лужина – Муханов узнал, что купить билеты в хорошие московские театры можно только по записи. В начале сезона надо было встать в очередь, а потом каждую неделю приезжать на переключку. Через несколько месяцев докликавшиеся до победного конца могли приобрести билеты на десять спектаклей. Володя уговорил друзей отмечаться вместе, и первое время они ходили втроём, но скоро он остался один. Терять свою очередь он не хотел. В ней театралы обменивались впечатлениями об игре артистов и о нашумевших постановках, а ему это было не менее интересно, чем сами спектакли. Получив билеты по себестоимости, он решил впредь не трагить времени и покупать их у спекулянтов. Деньги на это достались ему от бабушки Алёны.

Алёна была ещё жива, и Володя надеялся, что когда-нибудь она расскажет ему свою историю. Пока же он знал очень немного.

В семь лет бабушка стала горничной хозяйки имения – княгини Лидии Аверьяновны Долгоруковой. Барыня была очень властной, не терпела возражений, поэтому её единственный сын Олег, учившийся в гимназии, всегда придумывал какой-нибудь предлог, чтобы не возвращаться на каникулы домой. Лидии Аверьяновне же, несмотря на строгость, присущи были и любовь, и нежность, и все свои нерастраченные чувства она излила на служанку. Она привязалась к девочке, выписала для неё учебники и руководила её образованием, а в качестве дополнительных уроков русского языка заставляла Алёну читать письма и под диктовку писать ответы.

Так Алёна узнала, что Олег окончил гимназию, но вместо того чтобы поступать в университет, пошёл в кавалерийское училище. Там он быстро освоил верховую езду и все виды оружия, а после первого курса приехал домой, для того чтобы покрасоваться перед матерью в кавалерийском мундире. Двенадцатилетняя Алёна влюбилась в него с первого взгляда и бегала за ним как хвостик, выполняя любое его поручение. Олег не мог не заметить её отношения и, чтобы не обижать девочку, иногда угощал её конфетами, а при расставании поцеловал в лоб и подарил свою фотографию. Алёна была разочарована: она считала себя достаточно взрослой для поцелуя в губы, но подарок хранила бережно и часто подолгу его рассматривала. Она с нетерпением ждала писем молодого барина, но бурная жизнь не оставляла ему времени на обстоятельные отчёты, к тому же он не хотел делиться с матерью всеми своими приключениями. Подробно он написал лишь об одном.

Он тогда гостил у своего одноклассника в Малороссии. Молодые люди почти каждый день в полной форме катались верхом, чтобы произвести впечатление на соседских барышень. Во время одной из таких прогулок они оказались около еврейского местечка и, увидев пожар, свернули туда.

Там полным ходом шёл погром. Молодые офицеры и сами относились к евреям без большой любви, но спокойно наблюдать за избиением и грабежом не могли. Олег пустил своего коня галопом и, не тратя времени на уговоры и выстрелы в воздух, рубил погромщиков направо и налево. Его друг следовал его примеру. Неожиданность атаки, ярость кавалеристов и преимущество конных над пешими обратили грабителей в бегство. Но организатор, планировавший поживиться во время погрома и заранее договорившийся со скупщиком, был взбешён и стал стрелять в молодых людей. Олег прикончил его на месте, а потом начал помогать раненым.

В тот раз убитых было немного, а из покалеченных тяжелее всех пострадал часовщик. Дом его сгорел, и, поскольку у него ничего не осталось, он решил попытать счастья в России.

Олег дал ему письмо к матери, и часовщик со своим сыном направился в имение Долгоруковых. Там Алёна прочла Лидии Аверьяновне послание Олега, а потом вместе с ней выслушала рассказ пострадавшего. Хозяйка поселила погорельцев в летнем домике, а когда часовщик окончательно выздоровел, дала ему денег и рекомендательное письмо своим дальним родственникам в Москву. Он поблагодарил барыню и сказал, что он немного понимает в драгоценных камнях, и, если княгине понадобится его помощь, он для неё сделает всё, что в его силах.

После этого от Олега долго не было никаких вестей, но от общих знакомых Лидия Аверьяновна узнала, что он бросил кавалерийское училище и стал играть в труппе какого-то провинциального театра. Княгиня не могла в это поверить. Конечно, она знала, что её сын непредсказуем, но не допускала мысли, что он станет артистом. Она считала эту профессию плебейской и стгоряча даже хотела лишить Олега наследства. Специально для этого она поехала в город, но её адвокат в это время был в Крыму, и Лидия Аверьяновна отложила свой план, а потом остыла, надеясь, что сын, в конце концов, переберется.

В Москве барыня зашла к часовщику. Он уже открыл свою мастерскую и работал с сыном Лазарем, который быстро осваивал специальность ювелира.

Между тем Алёна из тощего цыплёнка превращалась в красивую девушку. Это не осталось незамеченным, и управляющий княгини стал проявлять к ней интерес, всё более настойчиво добываясь её внимания. Алёна написала подробное послание Олегу, упомянув также, что управляющий безбожно обворовывает Лидию Аверьяновну. От молодого хозяина тотчас же пришёл ответ. Он сообщал, что приедет со своим другом сразу после ярмарки, а поскольку его приятель любит вкусно поесть, просит, чтобы их хорошо приняли. Друг его проверит, как в имении ведётся хозяйство, поговорит с управляющим и выяснит, почему в последнее время доход так резко сократился. Послание это было адресовано матери, но Алёна знала, что в действительности Олег писал ей.

Ярмарка была одним из немногих развлечений сельских жителей, и они ходили туда не только чтобы купить продукты, но и чтобы потолкаться в пёстрой толпе и посмотреть выступление бродячих артистов. Алёна, к тому же, хотела отвлечься от грустных мыслей. Она не очень рассчитывала на помощь молодого барина, а по опыту других служанок знала, что долго сопротивляться управляющему не сможет. Бросить службу и уехать она не могла, потому что на её жалование жила больная мать. Размышляя об этом, она подошла к помосту, на котором выступали два артиста. Сначала один из них изобразил молодую женщину, а другого художника, который так нарисовал портрет молодухи, что она, увидев рисунок, упала в обморок. Потом они появились на сцене в облике двух цыганок и стали приглашать всех желающих узнать своё будущее, а поскольку таковых не находилось, одна из цыганок с ужимками и гримасами вытащила на помост управляющего и посадила его на стул, а вторая тут же стала гадать ему на картах. Вместо обычной дальней дороги, казённого дома и несчастной любви гадалка, скорчив удивлённую физиономию, сказала, что красавчик, сидящий перед своими односельчанами, – мошенник, что он обворовывает свою хозяйку и тискает всех деревенских девок, но скоро путь ему преградит туз пик. Он уже приехал под видом шестёрки бубен и в самом ближайшем будущем оторвёт управляющему причинное место. Услышав этот приговор, управляющий хотел ударить гадалку, но она ловко увернулась. Управляющий выругался и под хохот толпы ушёл от цыганок.

Дождавшись конца выступления, Алёна подошла к артистам и сказала гадалке:

– Здравствуйте, Олег Венедиктович.

Не в состоянии скрыть удивления, Олег покачал головой:

– Ты ошиблась, красавица.

– Нет, не ошиблась. Я бы узнала вас в любом гриме. Ведь у меня есть ваша фотография.

Олег внимательно посмотрел на девушку. Она сильно изменилась, но так же, как и раньше, не могла скрыть своих чувств. Он улыбнулся и попросил, чтобы она ничего не говорила матери, а он, как и обещал, завтра утром приедет в имение.

Когда Алёна ушла, он всё время вспоминал её влюблённый взгляд и, почувствовав, что в имении его ожидает лёгкая победа, собрал свои пожитки и в тот же вечер отправился в путь.

Войдя в дом, он услышал звуки борьбы, доносившиеся из дальнего угла. Это управляющий пытался изнасиловать Алёну. Олег в два прыжка подбежал к нему и стал его безжалостно бить. Неизвестно, чем бы закончилась схватка, если бы на шум не вышла барыня.

Олег прожил у неё несколько дней и уехал в город, а вскоре Алёна сказала хозяйке, что беременна. Лидию Аверьяновну это не удивило. Она сразу поняла, к чему приведёт заступничество Олега, и в глубине души была даже рада этому: она давно хотела внуков.

Управляющий, оставшись без работы, стал всем говорить, что Алёна связалась с заезжим клоуном. В деревне знали правду, но молодой барин в имении не показывался, а бывший управляющий так часто и так настойчиво повторял свою ложь, что ему удалось убедить односельчан. Вскоре он ушёл в банду, орудовавшую в окрестностях Богородска, и больше его никто не видел.

Олег быстро забыл свой мимолётный роман, и только когда княгиня написала, что у него родилась дочь, решил посмотреть на ребёнка. Он доехал до Богородска на поезде, оттуда взял бричку и всё время подгонял кучера. В конце концов, лошади понесли, бричка перевернулась, и Олег разбился насмерть. Он даже не успел узнать, что дочь его назвали Евдокией.

Похоронив Олега, Лидия Аверьяновна резко постарела. Чувствуя, что долго не проживёт, она отдала Алёне коллекцию фамильных драгоценностей, взяв с неё слово, что кольцо с изумрудом она подарит своей дочери на свадьбу. Алёна понимала, что такой подарок будет поводом для пересудов, и, чтобы они не возникли раньше времени, сама никогда не надевала украшения, а после смерти княгини закопала их на её могиле.

* * *

После Второй мировой войны мужиков в деревне почти не осталось, и когда Евдокия решила выйти замуж за сына управляющего – Тихона, Алёна не стала её отговаривать, но жить в своём доме молодым не позволила. Они поселились в заброшенной избе на краю деревни. На свадьбу Алёна подарила своей дочери кольцо, и по деревне поползли самые невероятные слухи. Говорили, что у Алёны есть целый сундук с бриллиантами, которые она украла у княгини. Нашлись энтузиасты, которые несколько раз под разными предлогами обыскивали её дом, но, ничего не обнаружив, оставили Алёну в покое.

Через год у молодых родился сын Володя, и Алёна, взяв из своего наследства серьги, отвезла их к Лазарю. Ювелир, посмотрев их, сказал, что это слишком дорогое украшение, продать его будет непросто, и ему потребуется некоторое время, чтобы найти покупателя. Когда сделка состоялась, он написал Алёне, и она приехала в город. Вручая ей деньги, он попросил впредь не подвергать его искушению.

– Сколько ты хочешь за свою честность? – спросила Алёна.

– Средние комиссионные при таких операциях составляют пятнадцать процентов.

Она дала ему семнадцать, а остальное положила на несколько сберкнижек и оставила их у Лазаря. Он не очень хотел хранить их у себя, но человек, купивший серьги, сказал что они – часть коллекции князей Долгоруковых, и если вдруг появятся остальные предметы, с удовольствием их приобретёт. Лазарь прикинул, сколько составят семнадцать процентов от возможной суммы, и решил от хранения сберкнижек не отказываться.

Через несколько лет после рождения сына Тихон завёл passion, которая прирастила его к самогону. Однажды по пьянке он продал кольцо с изумрудом. Проспавшись, он хотел выкупить свадебный подарок жены, но собутыльник, выторговавший у него кольцо за бесценок, сказал, что если он действительно хочет заработать, пусть потрясёт свою тещу, у неё наверняка

есть и другие брюлики. Тихон пытался поговорить с Алёной, но она прогнала его из дому. С тех пор он стал всем жаловаться, что тёща поломала ему жизнь. Запой его сделались чаще и стали сопровождаться драками. В такие моменты Евдокия старалась выпроводить Володю из дома. Если это удавалось, он пережидал у бабушки, если нет – делил побои наравне с матерью. Он с раннего детства мечтал о том дне, когда сможет дать отпор отцу. Рискнул он это сделать в четырнадцать лет. Тихон тогда вернулся домой смертельно пьяный и пытался поймать жену, чтобы выместить на ней свою злость. Володя схватил полено и, трясаясь от страха, заорал:

– Тронешь мать, убью.

– Молчать, сучий выкормыш, – икая, ответил отец.

– Это ты сучий выкормыш, – крикнул Володя, наступая, – а я потомок русского князя!

Тихон остановился и, казалось, даже чуть протрезвел от такого заявления, а потом начал истерически хохотать.

– Дур-р-рак! Бабке своей поверил, шлюхе малахольной. Ты вместо того чтобы её слушать, лучше бы узнал, где она брюлики прячет. Она хочет их с собой в могилу взять, сука старая. Да я из-за неё и пить начал. Да если бы не она, я бы человеком был, я вон во время войны до сержанта дослужился, а были бы у меня деньги – я бы в город поехал, в институте-университете выучился, начальником бы работал, меня бы личный шофёр возил, я бы вообще... я бы... – он сел на табурет, обхватил голову обеими руками и заплакал.

В следующий раз, когда он вернулся домой пьяный и вновь попытался избить мать, Володя изо всей силы ударил его поленом. Отец потерял сознание. Володя связал его, заткнул рот кляпом и в течение нескольких дней жестоко бил, а в понедельник утром развязал. Тихон был совершенно обессиленный, ужасно себя чувствовал и всё ещё хотел опохмелиться. Он с трудом встал и ушёл на работу, но так там и не появился. Не вернулся он и домой, а через неделю его нашли замёрзшим около самогонного аппарата, который стоял в лесу и которым по мере необходимости пользовалась вся деревня. После этого Алёна вновь поехала в Москву и в каждую сберкнижку в качестве второго владельца вписала своего внука, а когда он закончил школу и собрался поступать в театральное училище, сказала, что оставила для него деньги у Лазаря.

Володя прекрасно знал ювелира, который каждое лето жил у бабушки Алёны со своим внуком Додиком. Именно им Володя впервые стал показывать свои сценки-пародии на односельчан. Имитируя их поведение, он так точно передавал голос, интонацию и жесты, что легко можно было узнать каждого. Дед Лазарь посоветовал ему поступать в театральное училище и даже привёз несколько книг с биографиями великих артистов. Это поощрение вдохновило Муханова, и при каждом удобном случае он разыгрывал миниатюры собственного сочинения. Однажды он изобразил цыганку, которая предлагала погадать на картах. Среди зрителей в тот день оказалась и его бабушка. Она так расчувствовалась, что в конце представления даже заплакала, безуспешно пытаясь скрыть свои слёзы.

Приехав в Москву, Володя пришёл к ювелиру. Тот вручил ему сберкнижки и сказал:

– Можешь взять их все сразу, а можешь брать по одной, так, чтобы твои друзья не знали, сколько у тебя денег.

– По одной, – тут же решил Володя и подумал, что скорее доверил бы деньги этому ювелиру, чем своему отцу.

* * *

После летней сессии Боря с Володей поехали в студенческий лагерь.

Руководителем лагеря был полковник Сергей Никитич Кочерга. В первый же день он собрал всех отдыхающих и сказал, что, в отличие от гражданского толкования демократии, когда каждый делает, что хочет, под его руководством в лагере будет демократия военная. Это означает, что он будет приказывать, а все будут соглашаться. Каждый отдыхающий должен, по крайней мере, один раз отработать на общественно-полезных работах, сокращённо ОПР,

а чтобы всё ограничилось только одним разом, надо строго выполнять внутренний распорядок, так как за нарушение дисциплины можно получить наряд вне очереди. Утром все должны выходить на линейку, а после отбоя быть в палатках. Ночью из палатки можно отлучаться только в туалет. Каждый студент должен выбрать спортивную секцию, ежедневно повышать своё мастерство и в составе одной из пяти команд принимать участие в соревнованиях по различным видам спорта. Капитаны команд составят график дежурств в столовой, которую, по мере надобности, они будут переоборудовать в клуб и готовить для различных культурных мероприятий. В лагере будет работать танцевальная студия под руководством артистки театра мюзкомедии Гали Кореновой. Она же поможет желающим организовать концерт художественной самодеятельности. Он лишь убедительно просит доморощенных авторов не рифмовать его фамилию со словом карга, потому что это уже давно набило оскомину. Тем же, кто не прислушается к его совету, он это припомнит, когда они будут сдавать Государственный экзамен по военной подготовке. Как они, возможно, знают, этот экзамен состоит из технической и строевой части. Он, естественно, принимает строевую.

Дополнительными культурными мероприятиями являются просмотр художественных фильмов и встреча с юмористом Виктором Савкиным, который сам заканчивал Автодорожный институт и участвовал в студенческой команде КВН, а теперь полностью сменил род деятельности и стал профессиональным писателем.

Затем полковник представил своих коллег, а когда назвал имя Гали Кореновой, она выступила вперёд и сказала:

– Я приглашаю в свою студию всех желающих и гарантирую, что через две недели они овладеют азами мастерства настолько, что впоследствии самостоятельно смогут разучить любой незнакомый танец. Вот смотрите, – она подошла к полковнику и сделала с ним несколько кругов вальса. Ко всеобщему удивлению, начальник лагеря неплохо танцевал, и, хотя Галя наверняка договорилась с ним заранее, их выступление выглядело весьма эффектно, – а ведь Сергей Никитич почти не занимался танцами, – сказала Галя, когда они закончили, – но если бы он захотел, то через несколько лет упорного труда вполне смог бы участвовать в кордебалете любого провинциального самодеятельного театра в качестве молодого, подающего надежды плясуна.

Галя обладала удивительной пластикой, редким чувством ритма и знала не только балльные, но и современные танцы.

Каждое занятие она начинала с того, что разучивала со всей группой отдельные элементы, потом многократно повторяла их под музыку, а в конце разбивала своих учеников на пары и, выбрав партнёра, танцевала с ним перед остальными. Она всегда находила повод похвалить любого ученика и только потом указывала на его недостатки. Через несколько дней она выбрала своим партнёром Борю и, предложив остальным повторять их движения, сказала:

– Начинаем сначала. Мужчина левой рукой должен взять правую руку девушки, а правой крепко обнять её за талию. Девушка должна положить левую руку на плечо партнёра.

Пока она говорила, Боря опустил свою правую руку гораздо ниже талии. Галя без тени смущения переложила её обратно и сказала:

– А вот этого делать не надо, чтобы партнёрша не подумала, будто её талия ничем не отличается от нижнего бюста. Надеюсь, что у меня разница чувствуется? – она посмотрела на Борю. Он опять опустил свою правую ладонь и, пошарив ею, утвердительно кивнул.

Затем они показали только что разученный танец, и Галя предложила Борису выступить с ней на концерте, для чего нужно было остаться на дополнительные репетиции. Когда все ушли, она сказала:

– У тебя отличное чувство ритма, но ты держишься неуверенно. Это производит плохое впечатление. Посмотри на Сергея Никитича. Он ведь танцует как кочерга, а ведёт себя как король, поэтому никто не замечает его ошибок. Веди себя так же, докажи, что ты мужчина.

- Я готов.
- Подожди, я сейчас включу музыку.
- Что, прямо здесь и обязательно под музыку?
- Да, но сначала как танцор.
- А потом?
- Потом посмотрим.

Они репетировали около получаса, и, хотя Боря очень старался, он всё время чувствовал себя ведомым. В конце Галя посоветовала ему попрактиковаться ещё.

- Тихо сам с собою? – спросил он.
- Почему же, вечером будут танцы, там ты сможешь выбрать желаемую.
- Я хочу с тобой.
- Очень?
- Очень!
- И что же ты предлагаешь?
- Когда все лягут спать, пойти за околицу, на один из стогов.
- Чудак, эти стога уже по минутам расписаны.
- Можно обойтись и без них.
- Ладно, приходи ко мне после отбоя, только так, чтобы тебя никто не видел.

Когда все уснули, Боря незаметно проскользнул к ней. Галя была его первой женщиной, и немудрено, что и здесь он чувствовал себя ведомым. Вернувшись в свою палатку, он, не раздеваясь, свалился на кровать. Утром соседи пытались его растолкать, но он сквозь сон отбивался, а когда они ушли, опять заснул. Начальник лагеря, возможно, и не заметил бы его отсутствия, но в тот день Боря должен был пройти инструктаж перед дежурством по лагерю. Не увидев его, Кочерга пошёл в палатку и, застав Борю в кровати, дал ему наряд вне очереди. После обеда, когда все Борины друзья отдыхали, он с другими провинившимися должен был закладывать фундамент будущего клуба. Во время ужина Володя Муханов с наигранным сочувствием стал расспрашивать друга, не очень ли он устал, и, выслушав его ругательства, сказал, что у Зощенко есть рассказ, который ему наверняка понравится.

– Про что? – спросил Боря.

– Про кочергу. Мы собирались инсценировать его в театре, так что я помню его наизусть, если хочешь, могу тебе прочитать.

– Давай.

Боре рассказ очень понравился, и весь вечер он переделывал его применительно к своим обстоятельствам. Выплеснув таким образом адреналин, он показал своё произведение Володе и успокоился. Ночь, как и накануне, он провёл у Гали, а утром опять проспал построение и получил очередной наряд. Теперь полковник, уже знавший нарушителей в лицо, сам искал их во время линейки и, не найдя, щедро раздавал наряды. После этого Борис решил зачитать свой опус на концерте.

Он взял книжку, обернул её в блестящую бумагу, чтобы не видно было названия, и вложил свой текст между страницами. Володя пытался его отговорить, но безрезультатно. Выйдя на сцену, Боря стал читать свою фантазию на тему рассказа Зощенко. Со стороны создавалось впечатление, что исполняется произведение из книги. В интерпретации Бори звучало оно так:

«В студенческом лагере злостного нарушителя дисциплины постоянно назначали костровым. Он заметил, что главное его орудие – кочерга – почти насквозь прогорела, и доложил об этом по инстанции. Начальник лагеря, не долго думая, решил заменить испортившийся инвентарь новым и купить несколько дополнительных единиц, но, поскольку он был отставником, то особой грамотностью не отличался и не знал, как правильно сказать: пять кочерёг, пять кочерыг или пять кочерыжек. Промучившись несколько часов, он так и не смог составить предложение из этого существительного с этим числительным и, чтобы упростить задачу, в заявке на

покупку нового оборудования написал, что лагерю требуются три кочерги и ещё две. Узнав об этом, студент-нарушитель сказал, что им в лагере хватает и одной кочерги, ведь она у них такая важная, что они пишут её с большой буквы, а произнося, вытягиваются по стойке смирно».

Номер был встречен бурными овациями, тем более что подавляющее большинство не читало Зоценко. Пожалуй, кроме Володи Муханова и Бори, был лишь один человек, который знал этот рассказ очень хорошо – начальник лагеря Сергей Никитич Кочерга. Во время обучения в военной академии товарищи так часто цитировали ему Зоценко, что он выучил рассказ почти наизусть, и, когда Боря уже собирался уйти со сцены, полковник объявил:

– За перевираание классики – наряд вне очереди.

– Сергей Никитич, это же художественная самодеятельность, так сказать – свободное творчество и фантазия на тему.

– Вот на стройке ты и будешь фантазировать на тему. Физический труд очень этому способствует, а за пререkanie со старшими ещё один наряд вне очереди.

– Не имеете права, по уставу не положено.

– Ты будешь продолжать спорить?

– Никак нет.

Все восприняли их диалог как продолжение номера. Иногда по предварительной договорённости с преподавателями ребята проделывали такие штуки. Они особенно нравились своей неожиданностью, но в данном случае это действительно был экспромт. После него Боря до конца смены почти каждый день работал на стройке и за время летнего отдыха узнал, как кладут фундамент, мешают цемент и штукатурят стены. Вместе с другими штрафниками он проклинал строящийся клуб такими отборными ругательствами, что здание наверняка было покрыто толстым слоем мата. Путёвку на следующую смену Боря брать не стал, но, зная, что Галя остаётся в лагере на пересменку, решил её навестить.

Приехал он поздно вечером и по дороге с трудом сдерживался, чтобы не побежать. Подойдя к лагерю, он заметил, что света в её домике нет, и решил подождать, пока она вернётся. Через некоторое время он увидел, что оттуда вышел начальник лагеря.

Боря вспомнил, что после того как Кочерга отправил свою жену Кочергиню домой, Галя, сославшись на «навигацию», отменила их ночные встречи. Да и во время вводной лекции полковника она вела себя слишком уж непринуждённо. Боря не был в неё влюблён, но ему было неприятно сознавать, что он лишь выполнял роль дублёра. Наверное, если бы он зашёл к ней, она бы ему не отказала, но у него почему-то пропало всякое желание, и он поехал домой.

* * *

Вернувшись, он позвонил Саше Иванову и тот сразу нашёл ему дело. В начале первого курса Саша записался в кружок автолюбителей и, сделав с руководителем дизайн будущей машины, стал собирать для неё детали. Кое-что он делал сам в мастерской института, но большую часть находил на свалках или приобретал за бесценок у автолюбителей, побывавших в аварии и потерявших надежду восстановить свою машину.

Он и после летней сессии остался в Москве, для того чтобы закончить свой грандиозный проект. Помощь друга оказалась весьма кстати, потому что он хотел ещё до начала учебного года получить разрешение ГАИ и покатать ребят на собственном авто. Однако осуществить этот план Саше не удалось, а первого сентября студентам объявили, что они должны ехать на картошку, и дали на сборы один день.

Когда они сели в автобус, Боря увидел Елену Фёдоровну Крылову и обрадовался. Она провела у них два семинара по математике, заменяя основного преподавателя, и на первой же перемене ребята стали обсуждать, сколько ей лет. Девушки с некоторой ревностью присоединились к дискуссии, и, в конце концов, решили, что ей не больше двадцати семи. Им очень нравилась её демократическая манера вести занятия, но как только Володя Муханов попытался перейти невидимую границу двусмысленной шуткой, она одной лишь затянувшейся пау-

зой поставила его на место. Высокая, с королевской осанкой и прекрасной фигурой, она очень нравилась Боре. Конечно, в какой-нибудь Франции её сочли бы полноватой, но на его российский вкус она была в самый раз. Он жалел лишь, что их отношения ограничивались встречами в коридорах института. Но колхоз – это совсем другое дело. Это свобода, которая начиналась с момента посадки в автобус. Руководитель лагеря, полковник Кочерга, очень хорошо понимал это, и как только они прибыли на место, заставил ребят расставлять мебель, а девушек убирать помещения. Он как будто задался целью уморить их работой. По собственному опыту он знал, что если у молодых людей есть силы, то ночью они ему покоя не дадут. Он и сам был таким в военной академии.

К вечеру пионерский лагерь принял вполне жилой вид, но полковнику этого показалось мало. Он назначил бригаду добровольцев, которая должна была часть столовой превратить в сцену, подключить освещение и настроить музыкальные инструменты. Боря ворчал, так же, как и остальные, однако Сергей Никитич, не обращая внимания на хмурые физиономии студентов, зычно командовал, куда что подвинуть и что к чему прибить.

На следующее утро всех разделили на несколько больших групп, и каждая выехала на своё поле. Руководителем Бориной бригады оказалась Елена Фёдоровна Крылова, а отправили их на самую нудную работу – сбор картофеля. Крылова пересчитала грядки, а когда все разбились на пары, сказала:

– Начинайте, ребята, но помните, что вам здесь жить ещё три недели, так что хорошо рассчитайте силы и глубже, чем на метр, не копайте.

Она хотела поднять настроение подопечных, которые были обеспокоены плохой погодой. Низкие серые тучи грозили в любую минуту разразиться дождём, а поскольку теплушки ещё не привезли, то все могли в первый же день вымокнуть до нитки.

Через час Крылова объявила первый перерыв и, когда студенты закурили, спросила, знают ли они что-нибудь о ближайших окрестностях.

Колхоз находился недалеко от Можайска, и они называли Бородино, но кроме того, что это связано с решающей битвой войны 1812 года, никто ничего вспомнить не мог. Тогда Крылова стала рассказывать сама. Начала она с наиболее ярких моментов биографии известных военачальников, украшая эти биографии пикантными подробностями. Это сразу же приковало всеобщее внимание. Вскоре вокруг неё собралась вся группа, а она начертила план расположения войск и стрелками показывала маневры противников во время битвы. Студенты уже забыли о надвигающемся дожде, сопереживая с ней событиям 150-летней давности. Рассказывала она со знанием дела, оставаясь преподавателем даже в поле, хотя здесь, в рабочей одежде, все выглядели как близнецы. Во время следующего перерыва студенты, не сговариваясь, собрались вокруг неё, и она продолжила рассказ. В последующие дни она перешла к декабристам, а от них – к царской фамилии. Тогда это была тема если и не запрещённая, то уж, во всяком случае, не очень хорошо известная. Студенты слушали её, раскрыв рты, и ей приятно было рассказывать такой благодарной публике. Во время одного из перерывов к ним незаметно подошёл начальник лагеря. Полковник остановился за спиной у Крыловой и слушал с явным интересом, а когда она закончила, сказал:

– Елена Фёдоровна, вы обязательно должны устроить лекцию. Польза от этого будет огромная. Мы можем и местных пригласить. Проведём, так сказать, культурно-просветительную работу среди аборигенов. В наших общих интересах хорошо организовать досуг, а я, как руководитель, сделаю всё от меня зависящее. Я ведь привёз из института музыкальные инструменты, взял кинопроектор и договорился, чтобы мне два раза в неделю давали новые фильмы, но ваша лекция гораздо интереснее.

– Вы мне льстите, товарищ полковник.

– Сергей Никитич, – поправил он.

– Сергей Никитич.

– Нет, Елена Фёдоровна, я говорю правду. – Он, улыбаясь, смотрел на неё. Опытный дамский угодник, он действовал прямой атакой, используя самое древнее оружие – лесть. Говорили, что он не пропускал ни одной юбки, какое бы тело эта юбка ни прикрывала.

– Лекция требует большой подготовки, – сказала Крылова.

– Сейчас ведь вы не готовились, а получилось очень хорошо. Просто здорово. Подумайте, Елена Фёдоровна.

– Хорошо, подумаю.

На следующий день перед началом танцев полковник сказал, чтобы ребята побыстрее раскачивались, а то к моменту, когда они проснутся, вечер уже закончится. Затем, показывая пример, он сам пригласил нескольких преподавательниц. Увидев это, одна из студенток вытащила его на ритмичный танец, и он, пародируя своих подопечных, начал так забавно дёргаться, что вызвал всеобщее веселье.

Поздно вечером пришли местные. Были они под хорошим градусом, но вели себя тихо. Осмотревшись, они стали танцевать и, поскольку прошли хорошую тренировку в соседнем доме отдыха, делали это не хуже своих сверстников из города. Один из них пригласил Елену Фёдоровну, не разглядев в полутёмном зале, что это преподаватель. Она посоветовала ему выбрать кого-нибудь помоложе. Он увидел, что ошибся, но отступить не собирался.

– А я хочу с вами, – настаивал он, – что вы имеете против?

– Ничего, просто я устала.

– Но вы ведь танцевали со своими, чем я хуже?!

– Я не говорю, что ты хуже, ты даже лучше. Поэтому я и предлагаю тебе выбрать более подходящую партнёршу, – ответила Крылова и отвернулась, показывая, что разговор окончен.

– В таком возрасте, а всё из себя целку строит, – процедил он сквозь зубы. За секунду до этого музыка кончилась, и его реплику услышали окружающие. Боря подскочил к нему и сказал:

– Извинись.

Магнитофон опять заиграл, и парень зло прошипел:

– Тебя не спросили.

Он был немного выше Бори, более крупного сложения и держался как заводила. Он не мог себе позволить второго фиаско подряд, и когда Боря повторил своё требование, парень придвинулся к нему и сказал:

– А ну вали отсюда, пока я тебя по стенке не размазал. Боря не шелохнулся, пытаясь сосредоточиться и вспомнить свои тренировки с чувелом. Его поведение взбесило парня, но за мгновение до того, как он привёл свою угрозу в исполнение, Боря повторил серию, которую так тщательно репетировал три года назад. Прошла она не очень гладко, но желаемый результат был достигнут, и забияка оказался на полу. Сразу же после этого к ним подошёл полковник и стал громко отчитывать Бориса за хулиганское поведение, но Боря почувствовал, что Кочерга одобряет его действия.

– Товарищ полковник, это была самооборона, – сказал Боря.

– Молчать, когда с тобой старшие разговаривают. А вы, – он обратился к местным, – уходите, пока я не позвонил участковому.

Угроза подействовала. Местные хорошо знали, что участковый церемониться не будет. Из всех правил коммунистического воспитания деревенский детектив особенно хорошо знал одно: когда бьют по заднице, доходит до головы, а поскольку особой точностью ударов он не отличался, то во время его дисциплинарных взысканий провинившиеся на себе чувствовали всю убедительность его аргументов. Жаловаться на него было бесполезно. Районное руководство относилось с пониманием к его способам борьбы с нарушителями, и ребята не хотели лишний раз проверять эти способы на себе.

На следующий день на картофельном поле Боря оказался без напарника, и ему пришлось начать работу одному. Он мог бы попроситься на погрузку. Это было не так нудно и вполне заменило бы тренировку, но тогда он работал бы на отшибе и пропустил бы рассказы Елены Фёдоровны. Вскоре она подошла к нему и спросила, не нужен ли ему помощник.

– Конечно, – ответил он.

– Примешь меня в свою бригаду?

– С удовольствием.

Они начали собирать картошку, и после нескольких ничего не значащих фраз Боря сказал, что у неё явно выраженный талант рассказчика и спросил, не передались ли ей литературные способности Ивана Андреевича.

Крылова промолчала.

– А действительно, кем вам приходится Крылов? – спросил Боря.

– Мужем, – ответила она, – зовут его Эдуард Платонович, и к баснописцу он не имеет никакого отношения.

– А как ваша девичья фамилия?

– Волконская.

– Я так и думал.

– Почему?

«По вашему поведению, интеллекту и осанке», – хотел сказать он, но это выглядело бы слишком напыщенно, и он только пожал плечами.

– Почему? – повторила она.

– Я чувствую представителей голубых кровей.

– Как?

– Вот посмотрю на человека и чувствую.

– И что же ты чувствуешь, глядя на меня?

– Что у вас в роду были очень достойные люди.

– Конечно, были.

– Расскажите, Елена Фёдоровна.

– Это семейные предания, и я не знаю, насколько они соответствуют действительности.

– Тем более.

– Как-нибудь в следующий раз.

– Расскажите, – повторил он тоном, которым маленькие дети просят конфеты.

Она, не улыбаясь, посмотрела на него и сказала:

– У меня предки были самые разные.

– Тем более, Елена Фёдоровна! Тем более, – уже серьёзно сказал он, – и если вы считаете, что про их жизнь никто кроме родственников знать не должен, я даю вам слово молчать как рыба. Торжественно клянусь, – он поднял правую руку.

Крылова ничего не ответила, и несколько минут они работали молча.

Боря терпеливо ждал, и она начала рассказывать.

– У меня в роду был офицер, который перешёл на сторону большевиков. Он разделял идею равенства и братства и активно помогал новой власти, но во время войны его объявили врагом народа и арестовали. На воле остались жена и дочь. Их не взяли, потому что одна была слишком маленькой, а вторая очень больной. Жена уже умирала, но с ней произошла поразительная метаморфоза. Почувствовав ответственность за судьбу ребёнка, она силой воли отсрочила смерть и занялась воспитанием девочки. Только когда дочь кончила институт, она позволила себе отойти в лучший мир.

– А замуж вы вышли до её смерти?

– Да, она меня и сосватала. Крыловы были её друзьями, но им повезло гораздо больше, они остались живы, а мой тесть даже стал академиком.

– Это по его учебнику мы занимаемся?

– Да, – сказала она и замолчала, видно, жалея о своей откровенности. Боря подумал, что в ответ должен рассказать что-нибудь о своих предках, но поскольку он толком о них ничего не знал, то стал врать, что является дальним родственником любавического раввина.

– Тогда твоя фамилия должна быть Шнеерсон, – сказала Елена Фёдоровна.

– По женской линии она такая и есть, – не моргнув глазом, снова соврал он, но, чтобы не попасть впросак, стал лихорадочно думать, как перевести разговор на другую тему. В этот момент он заметил группу местных ребят, которые остановились недалеко от них и что-то обсуждали. Боря прервал разговор на полуслове.

Одно дело меряться силами, когда вокруг все свои, и совсем другое – в чистом поле. Ребята были абсолютно трезвые, но он не знал, что у них на уме. Поножовщина здесь была обычным явлением, а Боря совсем не хотел оказаться жертвой своего рыцарского поведения. Он с опаской наблюдал за местными, прикидывая, что можно использовать для обороны. Лопатой удержать четырёх человек было невозможно. От группы отделился его вчерашний противник, и Борис испытал очень неприятное чувство. С деланным безразличием он опёрся на лопату, но держал её так, что мог при необходимости быстро ею воспользоваться. Парень подошёл и извинился перед Еленой Фёдоровной. Она молча кивнула, но он не уходил.

– Говори, – сказала она, – я слушаю.

– Ребята просили узнать, можно ли нам в следующий раз прийти на танцы.

– Если вы будете в нормальном состоянии, то можно, – ответила она, – а ещё передай им, что в субботу перед танцами у нас будет лекция о Бородино. Ты знаешь, что там было?

– Да, там наши с французами дрались, – сказал он.

Когда парень ушёл, Боря сказал:

– Непостоянная вы женщина, Елена Фёдоровна. Вы же сказали Кочерге, что лекцию устраивать не будете.

– Знаешь, Боря, мне жалко молодых людей, которые живут в деревне. Те, кто похитрее, давно уже сбежали отсюда, особенно девушки. Общаться им не с кем, книги читать они не привыкли, всё время в телевизор смотреть скучно. Они бы, наверное, работали в собственном хозяйстве, но этого их лишили, а батрачить на государство они не хотят. Для них даже драка – и то событие. Набьют друг другу физиономию, а потом вспоминают об этом целый год. Жалко их, – повторила она.

«Удивительная женщина», – подумал Боря. Он ездил в колхоз каждый год, но относился к этому как к плате за привилегию жить в Москве и всегда хотел лишь побыстрее отработать свою трудовую повинность.

– Ну что ты на меня так смотришь? Или считаешь, что я не права?

– Вы абсолютно правы, просто я никогда не задумывался над этим, – сказал он и хотел добавить, что у неё благородная душа и чуткое сердце, но это выглядело бы слишком высокопарно, и он промолчал.

– Твоё счастье, что не задумывался. Так и продолжай. Жить легче. А я вот иногда задумываюсь и только расстраиваюсь.

Они проговорили весь день и, когда возвращались, почувствовали, что их взаимный интерес стал обращать на себя внимание окружающих. Чтобы это не бросалось в глаза, на следующее утро Боря попросился на погрузку, и начальник лагеря тут же удовлетворил его желание. Боря испытал какое-то непонятное чувство. С одной стороны, он был рад, что на корню обрубил все возможные домыслы однокурсников, а с другой – испытал странную пустоту.

На следующий день, когда грузчики уже проработали часа два, к ним подъехала милицмейская машина. Из неё вышел небритый тип неопределённого возраста. Участковый, сопровождавший его, сказал, что это пятнадцатисуточник. Он совершенно безопасен, в прошлом он

был школьным учителем, а теперь спился и попадает к ним, когда жена выгоняет его из дома. Зовут его Петрович.

– Здорово, каторжники, – приветствовал он ребят.

– Мы студенты, это ты каторжник, – ответил Боря. Он хотел сразу поставить небритого на место.

– Это как посмотреть, – возразил тот, – у меня восьмичасовой рабочий день с перерывом на обед. Денег, конечно, мне не платят, но и ты здесь миллионером не станешь. К тому же, если я захочу, то в любой момент могу плюнуть на всё, и никто мне ничего не сделает. Я ведь и приехал сюда добровольно, потому что мне скучно одному в кутузке сидеть. Еды меня всё равно не лишат, крыши над головой тоже. Вон и начальник тебе подтвердит, – добавил он, кивая в сторону участкового.

– Умный ты чересчур, Петрович, – сказал тот, садясь в машину, – кончай трепаться и делай, что тебе говорят. Вечером я за тобой приеду.

– Вот видишь, – удовлетворённо сказал небритый, – после работы меня на персональной машине доставят в отапливаемое помещение. А у тебя рабочий день десять часов, платят тебе шиш с вычетом за бездетность, плюнуть на работу ты не можешь, потому что тебя из института попрут. Питаешься ты, может быть, и лучше меня, но живёшь в пионерском лагере, в комнате с двадцатью соседями. Так что ты – каторжник, – заключил бывший учитель.

– Откуда ты знаешь, где я живу?

– Да к нам такие гаврики каждый год приезжают! Вероятно, он продолжал бы свои разглагольствования, но в это время подъехала машина, и они начали погрузку. Кидать мешки ребятам нравилось гораздо больше, чем ковыряться в земле, а для Бори эта работа вполне заменяла тренировку, но ему уже хотелось обратно в поле.

Через два дня начальник лагеря вернул его на сбор картошки, потому что слишком много было желающих грузить. Боря стал опять работать с Еленой Фёдоровной и перед отъездом в Москву попросил у неё телефон, но она, покачав головой, сказала:

– Это всё равно ни к чему не приведёт.

Боря и сам понимал, что шансов у него нет, она – представитель древнего дворянского рода и, несмотря на очевидную симпатию, в самом лучшем случае относится к нему как старшая сестра. Он тоже должен был бы относиться к ней как брат, но по ночам его беспокоили сны, в которых она играла совсем другую роль...

Когда начались занятия, Боря проследил за Крыловой и несколько раз как бы невзначай оказывался вместе с ней в трамвае. Они непринуждённо беседовали, но все его попытки встретиться с ней в более подходящем месте оказывались безрезультатными. Сталкиваясь в институте, они продолжали приветливо здороваться и улыбаться друг другу.

А через полгода они встретились в Свердловске. Елена Фёдоровна привезла туда институтскую команду для участия в математической олимпиаде, а Боря приехал на сборы по карате. До недавнего времени он вообще не знал о существовании этого вида спорта, но после того как новый преподаватель физкультуры повесил объявление, приглашавшее всех желающих на тренировки, Боря решил посмотреть, что это такое. На первых занятиях он показал, что неплохо владеет элементарными приёмами, и его вместе с более опытными спортсменами взяли на сборы.

Столкнувшись в фойе свердловской гостиницы, они сначала удивились, а потом обрадовались, и Боря пригласил Крылову в ресторан. Он ни на что не надеялся и поэтому чувствовал себя совершенно раскованно. Беседа текла легко, музыка им не очень мешала, и они прекрасно провели время. Он несколько раз танцевал с ней и каждый раз прижимал её всё сильнее. Она не сопротивлялась, и во время последнего танца Борю захлестнуло желание. Оно было настолько сильным, что в какой-то момент он сбился с ритма и чуть не наступил ей на ногу, а когда они сели, сказал:

– Извините, Елена Фёдоровна, моя вина. Я ведь в танцевальном смысле совершенный неуч. Ещё в школе я попросил одну одноклассницу взять надо мной шефство. Она не могла мне отказать, потому что я занимался с ней физикой, и мы оба пытались обучить друг друга тому, к чему не имели ни малейших способностей. На выпускном вечере, наблюдая за мной, она сказала, что я танцую с грацией молодого медвежонка.

– Ну, Боря, ты сделал большой шаг вперёд. Теперь ты танцуешь с грацией зрелого медведя.

– Так научите меня, я сделаю всё, что вы скажете.

– Всё? – улыбнулась она.

– Конечно.

– Тогда пойдём ко мне.

Боря подумал, что ослышался. Он посмотрел на неё и увидел всё, на что не мог рассчитывать даже в самых смелых мечтах. Ему стоило огромного труда тут же не наброситься на неё с объятиями и поцелуями. Он с трудом донёс своё нетерпение до её комнаты, но там всё закончилось так быстро, что оба почувствовали некоторое разочарование. Однако за первой волной последовала вторая, а потом третья, и каждая следующая доставляла им всё большее наслаждение. Они не могли насытиться друг другом. Под утро, когда ему уже надо было уходить, Лена сказала:

– Боря, а я ведь заметила тебя, когда ты был ещё на первом курсе. Ты мне сразу понравился.

– Что же вы тогда мне ничего не сказали, Елена Фёдоровна? – мы из-за вас полтора года потеряли! – воскликнул он с такой досадой, что она рассмеялась.

– Тогда ты был ещё слишком молод, да и у меня с мужем были нормальные отношения.

– Вы потрясающая женщина. Вы для меня как вода для заблудшего в пустыне, – пробормотал он первую пришедшую на ум глупость.

– И давно ты блуждаешь без воды?

– Нет, но из такого вкусного источника пью впервые.

– Ты можешь называть меня по имени, – сказала она, – а сейчас иди, уже поздно.

Отдохнуть Боря не успел и на соревнованиях показал себя из рук вон плохо. В последующие дни он действовал ещё хуже, и после возвращения в Москву его отчислили из секции, но это для него не имело значения. Он почувствовал, что вступил в новый этап жизни.

Его мать сразу же увидела эту перемену, но спрашивать ничего не стала. Очень скоро он сам рассказал ей о Лене, о том, что она замужем, что у неё нет детей, а муж имеет пессию где-то в Воронеже и часто уезжает туда в длительные командировки, что пока его нет, Лена вынуждена прогуливать их приёмного сынишку – маленького лохматого и хвостатого двортерьера, что только это и напоминает ей об отсутствии супруга, так как в физиологическом смысле они уже давно развелись. Собаку же они купили, когда поняли, что у них не будет детей. Пёсик скрашивал их одиночество и поначалу очень связывал: каждый раз, когда назревала ссора, он недовольно рычал, и им поневоле приходилось сдерживать эмоции. Теперь они уже так редко разговаривают, что почти и не ссорятся.

Софья Борисовна внимательно слушала Борю. Она прекрасно понимала, как играли гормоны у сына, и считала, что чистенькая замужняя женщина, у которой не всё гладко в семейной жизни, является наилучшим решением его сексуальных проблем, а из-за разницы в возрасте вряд ли она будет претендовать на его свободу.

Через несколько дней муж Лены уехал в Воронеж, и Боря переселился к ней. Тогда он понял, почему первый месяц совместной жизни называют медовым. Лена для него была гораздо слаще мёда. Она воспринимала происходящее менее эмоционально, но отвечала на все его желания. Когда её муж вернулся, Боря стал думать, где можно продолжить встречи,

и первое, что пришло ему на ум, – жениться. Посчитав свою идею гениальной, он поделился ею с Леной.

– А на что ты будешь семью содержать? – спросила она.

– Работать пойду.

– Много ты не заработаешь, а я привыкла жить хорошо.

– Я буду работать на двух работах.

– А учиться когда же?

– Я перейду на вечернее отделение.

– Тогда тебя заберут в армию.

– Но ты же меня подождёшь?

– А ты?

– Что я?

– Захочешь ли ты вернуться ко мне, когда отслужишь?

– Леночка, я тебя люблю, я хочу на тебе жениться.

– А где ты жить собираешься?

– Ну...

– Вот видишь, а я не уверена, что Эдик оставит квартиру мне. Может, он захочет её разменять.

– Ты же говорила, что его приглашали в Воронеж на должность директора завода.

– Да, но за один день это не делается. Собственно, поэтому он меня и просил подождать с разводом, ведь любому руководителю в нашей стране положено иметь семью.

– Сколько это может продолжаться?

– Полгода, год. Не знаю, так что пока ты найди себе девушку.

– Не шути так, Лена.

– Боря, ты мне очень нравишься, но я старше тебя на восемь лет и не хочу, чтобы в один прекрасный день меня приняли за твою маму. Ещё через десять лет ты будешь в самом расцвете, а мне будет... даже страшно подумать, сколько мне будет лет, и как я буду выглядеть.

– А ты не думай. Всё может так измениться, что в один прегадкий день тебя примут за мою дочку.

– Спасибо за комплимент, Боренька, но как бы хорошо я к тебе ни относилась, не думать я не могу.

– В этом твоё несчастье. Я еврей и ни о чём не думаю, а ты русская и всё время думаешь, взвешиваешь и оцениваешь. Это ошибка природы, она должна была всё сделать наоборот.

– То есть создать меня на восемь лет позже, чем тебя?

– Хотя бы, – сказал Боря.

– Тогда я бы ни минуты не думала. А так я всё-таки советую тебе обратить внимание на своих сокурсниц.

– Никто из них не может даже сравниться с тобой.

– А ты сравнивал?

– Да.

– Значит, не повезло, – сказала Лена.

– Давай в следующий раз встретимся у меня.

– Как ты себе это представляешь?

– Пока не знаю. Я поговорю с мамой.

Боря не очень надеялся на успех переговоров, но Софья Борисовна согласилась освободить ему квартиру по первому требованию, она лишь хотела познакомиться с Леной. Он пытался было возражать, но мать твёрдо стояла на своём. Они условились, что Боря пригласит Елену Фёдоровну на обед, после которого родители пойдут в кино. Потом они позвонят и, если он снимет трубку, вернутся, если нет, то погуляют ещё немного. До встречи он должен

будет убрать дом так, чтобы всё блестело, ведь не могут же они выглядеть перед Волконской грязнулями и неряхами.

– Мама, ты посмотри вокруг, какие мы неряхи? У нас и так всё сверкает, – чуть не плача сказал он, зная, что теперь мать возьмёт реванш за все те случаи, когда он оставлял наведение порядка ей.

Перед решающим днём Боря немного волновался, но знакомство прошло легко. Его родители и Лена так понравились друг другу, что через несколько минут общались как старые друзья, и он с некоторой ревностью наблюдал за ними. Родители не спешили уходить и, похоже, с удовольствием остались бы дома, но он жестаи и мимикой постоянно напоминал им, что не нуждается в их присутствии.

Поздно вечером, когда, проводив Лену, он вернулся домой, они в один голос одобрили его выбор. Они прониклись к Лене искренней симпатией и стали принимать её как лучшую подругу, а если она приезжала в выходные, то Софья Борисовна встречала её полным обедом. Боря был не против этой торжественности, лишь напоминая родителям, чтобы они не очень засиживались.

Когда Боря сдал последний экзамен, Лена сказала, что на всё лето едет в Китай для лечения от бесплодия. Её муж надеется таким образом восстановить семью. Она не очень верит в это, но хочет попытаться.

Несостоявшийся мезальянс

К окончанию второго курса Саша, наконец, собрал свою машину, а уже через месяц она получила диплом на ВДНХ. Теперь оставалось самое главное: официально её зарегистрировать. Для этого нужно было встретиться с начальником Московского ГАИ Саркумовым, но просто прийти в его кабинет и просить о разрешении было недостаточно, и Саша сделал всё, чтобы машина генералу понравилась. Саркумов сам прокатился на самоделке, одобрил дизайн и разрешил регистрацию, а Саша попросил у него несколько визиток.

После летней сессии друзья решили поехать на этой машине на Кавказ. Был конец 60-х годов, по дорогам Советского Союза бегало всего несколько марок отечественных автомобилей, и Сашину уникальную самоделку принимали за суперсовременную иномарку. За полтора месяца ребята исколесили все пляжи Сочи. Это значительно превышало их финансовые возможности, и когда они попадали в денежный цейтнот, Саша, пользуясь своим поразительным даром ориентации, подрабатывал извозом. Выгоднее всего было обслуживать северян, которые за удовольствие прокатиться на его экстравагантном авто готовы были платить существенно больше, чем за обычное такси. В зависимости от интеллектуального уровня пассажиров, Саша вешал им на уши лапшу разной длины. Обычно он говорил, что его хозяин – член правительства и находится здесь на отдыхе. Имени его по понятным причинам называть нельзя. Северяне легко проглатывали его враньё и сразу же начинали расспрашивать про то, как живут слуги народа. Саша охотно пересказывал им слухи о членах политбюро. Это неизменно повышало его гонорары. Пока он работал, Володя с Борисом ставили палатку и проводили рекогносцировку. Вернее, рекогносцировку проводил Володя. Он определял девушек, с которыми можно было иметь дело, и начинал знакомство.

В тот раз всё шло по уже опробованному сценарию. Девушки оказались москвичками, учились в педагогическом институте, в Сочи приехали утром и поселились втроём в одной крохотной комнатухе. Когда Саша присоединился к своим друзьям, одна из них сказала, что видела его машину утром на вокзале.

– Да, – подтвердил он, – я там халтурил.

– Вот так так, – удивилась она и посмотрела на Муханова, который всего за полчаса до этого туманными намёками давал понять, что они – дети очень ответственных товарищей, учатся в МИМО и после окончания института уедут работать за границу.

– Конечно, так, – не моргнув глазом, сказал Володя, – Сашок специально прикинулся веником и назвался водителем. Не мог же он признаваться, что он сын члена политбюро и нуждается в деньгах. Если об этом узнает папочка, он может лишиться его машины и поставить двенадцативедёрную клизму.

Девушки, знакомые со столичной жизнью, отнеслись к этому объяснению скептически. Одного только вида уникальной машины для доказательства принадлежности к советской элите им было недостаточно. Для того чтобы рассеять сомнения и ускорить развитие событий, нужно было пригласить их в ресторан, но Володя сказал, что они гораздо лучше проведут время, устроив ужин на свежем воздухе из продуктов, про которые ни в одном местном ресторане повара и не слышали. Девушки согласились, а когда друзья зашли в палатку, Саша спросил, где Муханов собираются эти дефициты достать.

– В центральном гастрономе.

– Интересно, как?

– Сыграю человека из органов, и, если всё получится, то недоверчивые москвички сегодня будут наши.

– А если нет?

– Тогда меня выкинут из кабинета директора как пана Паниковского. Риск невелик. Только мне нужно загримироваться.

Через час Володя медленно подъехал к магазину на Сашиной машине и остановил её прямо около окон, так, чтобы хорошо был виден московский номер. Затем, не обращая внимания на очередь, подошёл к прилавку и сказал:

– Я хочу поговорить с директором.

На нём были серый плащ, серая шляпа и солнечные очки. Продавщица посмотрела на него, не зная, что делать. Володиных глаз она видеть не могла, а поведение его производило впечатление человека, привыкшего повелевать. Очередь замерла. Этот покупатель явно пришёл не за дешёвыми консервами, которые красовались на витрине. Володя тоже молчал, и пауза затягивалась. Первой не выдержала продавщица.

– У директора было совещание, – сказала она, – и я не знаю, вернулся он или нет. Подождите, я проверю, – она пошла внутрь, а Володя, не дожидаясь приглашения, последовал за ней. Когда они вошли в кабинет, директор недовольно спросил его:

– В чём дело?

– Мне нужно килограмм копчёной колбасы, три банки красной икры, балык, белая рыба и армянский коньяк, – сказал Муханов.

Директор знал всех ответственных работников города и прекрасно понимал, как себя нужно с ними вести, но этого типа он видел впервые. Ещё из своего кабинета он заметил необычную машину и московские номера. Он пристально смотрел на Муханова, и мозги его лихорадочно работали, пытаясь определить соответствие требований Володи с его положением. Поведение молодого человека ясно указывало на его элитный статус, но если он действительно такой козырной, тогда непонятно, что он здесь делает и почему один? А самое главное – нельзя определить, сколько ему лет, ведь тёмные очки закрывают половину лица. Ясно лишь, что ему не больше тридцати. С другой стороны, он мог оказаться чьим-нибудь сыном, избалованным сибаритом, получившим вне очереди чины и звания. Правда, не исключено, что это обычный аферист, ведь районных тузов, как правило, сопровождает местное начальство. Но всё равно, лучше не рисковать. Даже если он блефует, чёрт с ним. В конце концов, заначки в магазине хватит и на него.

– Маша, пройди с товарищем на склад, – сказал, наконец, директор, – покажи ему, что у нас есть.

– А кто же будет у прилавка?

– Никто, тебя подождут.

В подвале у Володи разбежались глаза. Он, правда, видел что-то подобное, когда был на семейном обеде у академика, с дочерью которого некоторое время встречался, но там эти разносолы стояли на столе, и цена Володю не интересовала. Теперь же он боялся выйти из бюджета, поэтому, небрежно указывая пальцем на разные деликатесы, спрашивал, сколько они стоят. Кроме продуктов, он взял три бутылки французского коньяка, а вернувшись к друзьям, принял большую его дозу, для того чтобы снять нервное напряжение. Позже, когда они встретились с девушками и допили оставшееся, он сразу же заснул, и его партнёрша вынуждена была вернуться домой в пустую комнату.

На обратном пути в Москву в одном из провинциальных городов Боря захотел повторить успех Муханова, но тот лишь посмеивался. Хотя плащ, шляпа и очки были теми же, а сцена исполнена не намного хуже, директор магазина, услышав Борины требования, расплылся в широкой улыбке и сказал:

– Молодой человек, роль Джеймса Бонда не для вас. Выберите себе что-нибудь попроще.

Этот сценический провал расстроил Борю. Он и так знал, что артистические способности у Муханова гораздо лучше, но был уверен, что любой человек может добиться успеха, если приложит достаточно усилий. Он сам только благодаря постоянным тренировкам избил

Рощина. К сожалению, у него не было дара импровизации, он не мог мгновенно принимать решения и тут же их осуществлять, как это делали его друзья. Но если всё заранее продумать и тщательно отрепетировать, то можно добиться желаемого.

Чтобы доказать это самому себе, Борис, вернувшись в Москву, решил купить билеты в театр на Таганке. Это был самый популярный театр того времени. Билетов там никогда не было, а около кассы стояло всего несколько человек. Он подошёл к окошку, сказал кассирше, что приехал в командировку, должен скоро возвращаться обратно и хочет приобщиться к культурной жизни столицы. Он прекрасно знает всех артистов, не пропускает ни одного фильма с их участием и просто умирает от желания увидеть их на сцене, а если повезёт, то даже взять автограф. Особенно ему хочется посмотреть «Собачье сердце», ведь это вещь настолько смелая, что её в любой момент могут запретить. Другого шанса у него, наверное, никогда не будет, потому что он в пятницу должен возвращаться домой. При этих словах он показал железнодорожный билет до Свердловска, который предусмотрительно купил полчаса назад, и продолжил заранее подготовленную историю. Он рядовой инженер, живёт на периферии, не имеет родственников в столице и приехать сюда ему очень сложно. Он согласен на входные билеты и стоячие места, только бы попасть в театр. Он и сам играет на любительской сцене, поэтому спектакль представляет для него ещё и профессиональный интерес. Это гораздо больше, чем обычное хобби, ведь он пытался поступить в театральное училище, но не прошёл по конкурсу. Если ему удастся попасть на представление, он обязательно поделится своими впечатлениями с друзьями, для которых драмкружок является единственной отдушиной в их скучной провинциальной жизни. настолько скучной, что даже командировку в Москву они разыгрывали по лотерее.

Кассирша, в недавнем прошлом сама выступавшая на сцене, с первого слова заподозрила обман, а когда увидела железнодорожный билет, только утвердилась в своих подозрениях. Тем не менее, разыграв радостный интерес, она сказала:

– Надо же, я ведь сама из Свердловска! А где вы живёте?

– На улице Красных Коммунаров.

– Какой это район?

– Октябрьский.

– Так значит мы с вами соседи! В какой школе вы учились?

– В тринадцатой.

– Не может быть! Это бывшая гимназия, в моё время она была женской школой.

– Вряд ли, – возразил Боря, – тринадцатая школа находится в современном здании. Может быть, после принятия закона о совместном обучении Горноно решило перенумеровать все школы. Когда я вернусь, обязательно это выясню и, если хотите, могу вам написать подробный отчёт.

– Не надо, – сказала кассирша, – вот контрамарка. Все места в зале будут заняты, и вам придётся стоять.

– Постояю с удовольствием, большое спасибо.

– Не за что. Только не забудьте сдать железнодорожный билет.

Боря отдал деньги, взял контрамарку и спросил:

– Так значит, вы действительно жили в Свердловске?

– Нет, конечно, но вы взяли билет в общий вагон, а командировочные всегда ездят в купе. В остальном играли неплохо. Заходите, я могу иногда давать вам билеты.

* * *

Осенью Бориса опять послали в колхоз, и он встретился с Леной только когда начались занятия. Они столкнулись в коридоре, и оба почувствовали, что расставание было слишком долгим. После занятий он поехал её провожать. По дороге она сказала, что, пройдя курс лече-

ния, вернулась домой и честно пыталась исполнять супружеские обязанности, но забеременеть не могла, и Эдик опять уехал в Воронеж.

Она снова стала встречаться с Борисом и теперь уже не скрывала этого от мужа. Однажды перед её приездом к Коганам родители Бори пошли на какой-то двухсерийный фильм, но в кинотеатре через несколько минут после начала сеанса пропал свет, и зрители должны были уйти не солоно хлебавши. Софья Борисовна позвонила нескольким знакомым, но одних не оказалось дома, другие были заняты, а поскольку шёл дождь, она с мужем вынуждена была спрятаться в собственном подъезде. На их беду Боря в тот вечер чувствовал необычный подъём, и его родителям пришлось ждать гораздо дольше обычного. В то время в их городке участились кражи. По слухам, грабители прятались в подъездах, а когда жильцы заходили в дом, оглушали их чем-нибудь тяжёлым и снимали с жертв всё мало-мальски ценное.

Толком никто ничего не знал, поэтому на всякий случай боялись всех, и родители Бори опасались, что в тёмном подъезде соседи их не узнают и вызовут милицию.

Первым обнаружил их сосед с четвёртого этажа. Он, как обычно, был пьян и прошёл мимо слегка покачиваясь, а потом, как будто вспомнив что-то, вернулся и, икнув, спросил, не собираются ли они кого-нибудь ограбить.

– Нет, – ответил Яков Семёнович.

– А что же вы здесь делаете?

– Да, понимаешь, – сказал Яков Семёнович, – мы потеряли ключ и ждём, пока сын вернётся из института.

– Пойдём ко мне, а то если вас здесь увидят, милицию вызовут. Сами знаете, что в городе творится.

Коганы с благодарностью согласились.

На следующий день Борис повёл Лену в кафе и в лицах рассказал ей вчерашнее происшествие, добавив, что теперь он должен будет заплатить соседу сорокаградусной валютой. Выслушав его, она сказала:

– Это не может продолжаться до бесконечности. Я не хочу ставить твоих родителей в такое глупое положение.

– Они мне на своё положение не жаловались.

– Они и не будут жаловаться, ты их сын.

– И твой будущий муж!

– Боренька, у нас слишком велика разница в возрасте. Недавно я посмотрела наши колхозные фотографии и ещё раз почувствовала это, – она протянула ему снимки. На них он увидел розовощёкого, хорошо упитанного юношу и обаятельную молодую женщину, которая, по его мнению, в жизни была гораздо красивее.

– Надо же, как я изменился, – сказал он, – если так и дальше пойдёт, то скоро я буду выглядеть старше тебя.

– Не притворяйся, Боря, посмотри, что со мной стало. Я не хочу ждать, пока ты меня бросишь, давай расстанемся сейчас, когда нам есть что вспомнить.

– Пока нам нечего вспоминать. Вернёмся к этому разговору лет через сорок, может, тогда воспоминаний прибавится.

– Эдик снова хочет восстановить семью. Он переезжает в Воронеж и уговаривает меня поехать с ним.

– Я тебя никуда не пушу.

– Милый ты мой мальчик, – сказала она, ласково целуя его в щёку, – сейчас ты ещё не можешь понять, что хочешь невозможного, но скоро это пройдёт.

– Я не хочу, чтобы это проходило.

* * *

Лена поехала с мужем в Воронеж. Как и раньше, они не ругались и не ссорились. Отношения их были ровными, но никакого влечения друг к другу они не испытывали. Недели через три они пошли в театр, и в антракте Лена почувствовала, что Эдуард нервничает.

– Она здесь? – спросила Лена.

– Да, – ответил он.

– Познакомь нас.

– Ты с ума сошла!

В этот момент к ним подошла элегантно одетая женщина и, поздоровавшись, сказала:

– Эдик, познакомь меня со своей женой.

– Знакомьтесь, – пробормотал он.

На следующий день Лена встретила с любовницей мужа тет-а-тет и, проговорив с ней несколько часов, вернулась в Москву.

Вскоре она подала на развод, но когда Боря захотел переехать к ней, отрицательно покачала головой и сказала:

– Нам надо расстаться.

– Почему?

– Потому что я старше тебя, потому что у меня не будет детей...

– Будут, Леночка, – перебил он, – обязательно будут. Ты не могла родить, потому что не любила Эдика, а от меня ты родишь. Мне вчера приснился сон, что мы женились и у нас родились близнецы. Они совершенно не похожи друг на друга, но зато один – вылитый я, а другой – вылитая ты. Мы назвали их Яша и Дима. И всё было бы ничего, но ты так донимала меня своими разговорами о возрасте, что мы, в конце концов, развелись, а детей поделили. Фамилии у них тоже стали разные: у Яши – Коган, у Димы – Волконский. Мой сын, как истинный еврей, чувствовал, что ему не хватает матери, и в том, что мы развелись, обвинял меня, а потом в один прекрасный день назвал мне крестился, поступил в духовную семинарию и стал попом, а твой, как настоящий русский, хотел общаться с отцом и чувствовать мужика в доме. Он считал, что во всём виновата ты, в пику тебе сделал обрезание, принял иудаизм и поступил в ешиву. Так в одном и том же городе два родных брата служили двум разным богам. Яков Коган служил Христу, а Дмитрий Волконский – Ягве. Своей беспорочной службой они искупили наши грехи, и мы с тобой сошлись опять. Правда, мы потеряли самые лучшие годы, исковеркали жизни детей, стали посмешищем для знакомых, но, в конце концов, приняли правильное решение. Я предлагаю тебе принять это решение сразу. А если уж у нас не будет детей, я усыновлю твоего четвероногого, лохматого и хвостатого сыночка. Ведь он более правоверный еврей, чем я, потому что ему сделали обрезание на полную катушку.

– Ты так много говоришь, что не даёшь мне слова вставить.

– Ну, извини, вставляй.

– Я выхожу замуж и уезжаю в Ленинград.

– Да... – Боря почувствовал странную слабость. Он не знал, правда это или она только что выдумала замужество и переезд, он чувствовал лишь, что она твёрдо решила расстаться. Он хотел сказать ей что-нибудь хорошее на прощанье, но боялся расплакаться. Он привык к Лене, общение с ней расширило его кругозор, заставило по-другому взглянуть на мир, сделало мужчиной. Благодаря ей он стал более спокойным, а при подготовке к экзаменам, в отличие от своих неженатых товарищей, не засматривался на каждую проходящую девушку и легко мог сосредоточиться на учёбе. Лена поощряла его старание, и во многом благодаря ей он несколько раз получал повышенную стипендию. Он бы с радостью женился на ней, но она заиклилась на том, что старше его, а ведь известны счастливые браки людей с гораздо большей разницей в возрасте.

* * *

Студенты, как обычно, собрались у Жени Гончарова. Он жил один в огромной четырёхкомнатной квартире в центре Москвы. Родители его большую часть времени проводили за границей. Они были советниками посольства по науке, а точнее, как по секрету сообщил Женя, занимались промышленным шпионажем. Их работа очень хорошо оплачивалась и была практически безопасной. Только однажды супругов Гончаровых выслали из Англии. Это было сделано в качестве ответного шага на действия советского правительства, объявившего нескольких английских подданных персонами non grata. Правда, и изгнание с Альбиона пошло Гончаровым на пользу: им повысили зарплату и отправили в США, а Женя вместо посылок из Европы стал получать посылки из Америки. Это почти всегда гарантировало ему успех у девушек.

В тот день Володя Муханов на вечеринку опоздал. Он приехал прямо с репетиции с двумя подружками – коллегами по театру. Когда они вошли, веселье было в полном разгаре. Увидев их, Женя закричал:

– А вот и артисты подгрести, они сейчас нам что-нибудь изобразят.

– Сейчас мы можем изобразить только голодных хищников, – сказал Володя, – так что для начала нас надо накормить.

– Зачем же ты женился, если тебе дома даже есть не дают, – спросил Женя.

Володя недовольно посмотрел на однокурсника. Он не любил говорить о своей женитьбе и ничего не ответил. После полутора лет жизни в общежитии он переехал на частную квартиру, а ещё через полгода заключил фиктивный брак с её хозяйкой. Это было чисто деловое соглашение, за которое он должен был заплатить большую сумму. Он не хотел показывать своей жене, что у него есть такие деньги, и договорился отдавать долг постепенно. Таким образом, он надеялся защитить себя, на случай если хозяйка квартиры захочет развестись раньше, чем он получит московскую прописку.

Девушки, которые с ним пришли, знали об этом и, не обращая внимания на Женин вопрос, направились к столу. Подкрепившись, вновь прибывшие стали показывать сценки из жизни на центральном рынке, в которых внимание продавца – южного человека в огромной кепке-аэродром – отвлекала симпатичная покупательница, а её приятели очень ловко пользовались этим.

Зрители бурно выражали свой восторг и громко аплодировали. Один из них, маленький худенький Витя Ерёмин, устроился рядом с самой крупной девушкой – Наташей Караваевой. Видно было, что ему лучше принять горизонтальное положение, но места для этого на диване не было, и он сидел плотно сжатый Наташей с одной стороны и Мишей Ларионовым с другой. Он то и дело закрывал глаза, и голова его падала на плечо Наташи, а Наташа тут же её отталкивала. Голова Вити на секунду принимала вертикальное положение, он просыпался, открывал глаза, смотрел на актёров, следуя общему настроению, громко смеялся и вновь засыпал, роняя голову на Наташино плечо. После этого всё повторялось снова. Его сосед справа – Миша Ларионов – хоть и аплодировал вместе со всеми, сидел задумавшись.

Миша поступил в институт после армии и был на несколько лет старше своих однокурсников. В Москве у него не было ни родственников, ни знакомых, и, чтобы свести концы с концами, он устроился ночным сторожем. Времени на учёбу у него не оставалось, и он часто обращался к своим товарищам за помощью. Как-то раз, готовясь с ним к очередному семинару по математике, Борис увидел задачи, которые ему дали на приёмных экзаменах в университет, и выругался.

– Ты что? – спросил Миша, и Борис рассказал о своей неудавшейся попытке поступления в МГУ. Ларионов удивлённо покачал головой. Он не мог поверить, что человека не приняли в Университет только потому, что его фамилия – Коган. Он был здоровый, добродушный и немного неуклюжий парень. Родился он в сибирской глуши, во время службы в армии познакомился со столичными ребятами и, послушав их рассказы, решил обосноваться в Москве.

Сделать это он мог только поступив в институт. Он стал готовиться и проявил такую настойчивость, что его отпустили на приёмные экзамены ещё до окончания службы, а когда он поступил, демобилизовали на несколько месяцев раньше, чем положено.

– Ты чего такой грустный? – спросил его Женя.

– На работу идти надо.

– А ты не иди.

– Жить не на что будет.

– Тогда иди.

– Обязательно пойду, поэтому я и грустный.

– Пригласи к себе девочек, чтобы они тебя развлекали.

– У меня даже времени нет, чтобы приличных девочек найти! Днём учусь, ночью работаю, вечером отсыпаюсь.

– Чего искать, ты ведь живёшь в общежитии, бери первую попавшуюся – и вперёд.

– Нет, я хочу это делать спокойно, регулярно, в своей квартире и в нормальных условиях.

– И с Мэрилин Монро.

– Необязательно. Мне достаточно, чтобы она была москвичкой.

– Зачем тебе москвичка?

– Здесь возможности больше, Женечка. Ты не знаешь, что такое жизнь на периферии. Даже и в Москве непросто, если тебе никто не помогает. Были бы у меня такие условия, – он сделал широкий жест рукой, показывая на обстановку квартиры, – я бы за десять лет защитил докторскую, а за пятнадцать стал академиком.

– Я именно это и собираюсь сделать, – сказал Женя.

– Ну и молодец.

– Так и тебе никто не мешает быть молодцом.

– Конечно, никто не мешает, но никто и не помогает. В этом разница.

– А женитьба на богатой невесте поможет? – спросил Саша Иванов, слышавший этот разговор.

– Не помешает.

У меня есть богатенький клиент, который очень хочет выдать свою дочь замуж. Она на последнем курсе института, и он боится, что её распределят в какую-нибудь Тьмутаракань.

– Ты её видел?

– Да.

– Ну и как?

– Она... не Мэрилин Монро.

– Не хрома, не коса, не горбата, эпилепсией не страдает?

– Нет.

– А как её зовут?

– Света.

– Сколько лет?

– Она сейчас на четвёртом курсе, значит, ей, наверное, двадцать один.

– Подходит, – сказал Миша, собираясь уходить.

А вечеринка продолжалась. Одни пели под гитару, другие танцевали, третьи курили и обсуждали последние события в институте. Состав этих групп постоянно менялся. Время летело незаметно, и, взглянув на часы, Борис охнул: была половина первого. На метро они с Сашей ещё могли успеть, но вот на автобус, который уходил от конечной станции, явно опаздывали. Вероятность того, что они поймут машину, была очень мала, а шлёпать домой пешком им не хотелось, и они попросили Женю оставить их на ночь. Он бы, наверное, и согласился, если бы ещё раньше не договорился с Володей и его подружками. Пока он думал, как деликатней выпроводить однокурсников, Муханов сказал, что поймает ребятам такси. Они отнес-

лись к его обещанию скептически. В то время поймать такси в Москве было так же сложно, как столкнуться с членом политбюро на улице. Даже днём это было почти нереально, а уж ночью зелёный огонёк появлялся только около крупных ресторанов. Но даже если пустое такси и оказывалось рядом, не было никакой гарантии, что оно остановится. Водители сами выбирали себе клиентов по каким-то только им известным признакам.

Володя надел кепку-аэродром и вышел на улицу. Шанс был один из тысячи, но через минуту появилось такси, а когда Муханов проголосовал, машина остановилась, и из окна её высунулся водитель.

– Паслуший, дарагой, – сказал Володя, – мне в Красногорск, пилачу сколько скажэш. Давэзош?

– Довезу, – ответил тот.

В эту машину и сели Саша с Борисом.

– Много мы тебе дать не можем, – сказал Саша, как только они тронулись. Водитель понял, что его обманули, но спорить было поздно. Спустя несколько минут он сказал, что так легко купился, потому что взял их в очень богатом районе. Живут в нём если и не тузы советской столицы, то, во всяком случае, короли и дамы. Среди них могут быть большие учёные, партийцы среднего звена, воры в законе и деловары типа того парня в кепке, который его остановил.

* * *

«Богатенький клиент» был директором одного из крупнейших магазинов Москвы. Он знакомил свою дочь с разными ребятами, но молодые люди ограничивали дружбу с ней одной встречей, а последний неудавшийся ухажёр и эту встречу сократил до неприличного минимума. Света стала комплексовать и вообще уже не хотела ни с кем знакомиться. Отец насильно посадил её в машину и привёз в гаражи. Там он оставил машину Саше, а сам заговорил с Мишей Ларионовым, который случайно – как рояль в кустах – оказался рядом. Миша охотно рассказал, откуда он приехал, где служил и на кого учится, а затем стал делиться своими планами на будущее. В них входило получение московской прописки, защита сначала кандидатской диссертации, потом докторской, затем получение звания профессора и должности заведующего кафедрой. Во время рассказа он то и дело посматривал на Свету. Девушка, почувствовав его интерес, оттаяла, а её отец продолжал расспросы. Конечно, он не верил в быструю карьеру этого деревенского парня, но сомнения свои показывать не стал. Если молодые люди женятся, он сделает Мишу своим заместителем. В торговле людей с высшим образованием почти нет, и совсем неважно, какой именно диплом у человека, главное – бумага с печатью. А все эти идеалистические бредни пройдут сами собой, когда у парня появится семья и он увидит, какова разница между зарплатой кандидата наук и доходами директора большого магазина.

Заурядная внешность Светы не отпугнула Мишу Ларионова, и через месяц он уже переехал к ней, а ещё через три месяца пригласил однокурсников на свадьбу, которую нужно было форсировать в силу ряда обстоятельств. Особенно из этого ряда выделялось одно обстоятельство в виде быстро растущего живота новобрачной.

Свадьба проходила в одном из лучших ресторанов Москвы. На невесте было исключительно красивое платье и фата, которая не очень сочеталась с её животом. Женя Гончаров, поздравляя своего однокурсника, сказал, что тот сделал большой шаг к намеченной цели, и теперь они начинают гонку за звание академика в равных условиях.

Света обожала своего мужа и очень быстро уговорила его бросить работу. Тесть полностью компенсировал убытки молодой семье. Миша стал высыпаться и проводил больше времени за учебниками. В положенный срок у них родился мальчик, которого назвали Миша Второй, подразумевая, что Первым был Глава семьи. Ребёнок оказался очень слабым и много болел, у него постоянно возникали серьёзные осложнения, и никто не мог понять, чем это вызвано. Он развивался медленно, и рассчитывать на его выздоровление было невозможно.

Чета Ларионовых решила завести ещё одного, и, когда Света была на девятом месяце, врачи вынесли Мише Второму смертный приговор. Вся семья морально была к этому готова. Света уже смирилась с тем, что её первенец умрёт, и, когда на свет появился мальчик, опять назвала его Мишей. Это был уже третий Миша в семье, и Света, всё ещё пытаясь спасти Мишу Второго, стала кормить его молоком, которое предназначалось для Миши Третьего. То ли от этого, то ли от того, что в его организме произошёл перелом, Миша Второй начал поправляться.

Магнитофон в футляре калькулятора

На пятом курсе студенты учились всего один семестр, после которого состоялось распределение. От него зависело не только, где будет работать выпускник, но и где он будет делать диплом. В зале заседаний собрались представители разных предприятий. Студенты заходили туда по одному, и когда очередь дошла до Бори, председатель комиссии спросил:

– Где вы хотели бы работать, товарищ Коган?

– Во Всесоюзном Научно-исследовательском институте автодорожной промышленности.

– Кирилл Владимирович, это к вам.

– У меня нет мест, – ответил мужчина средних лет с мясистым отёкшим лицом и недружелюбными глазами.

– В таком случае, товарищ Коган, мы вам можем предложить завод по изготовлению двигателей внутреннего сгорания. Кажется, он находится недалеко от вашего дома.

– Нет, я туда не хочу.

– У нас есть ещё филиал ВАЗа.

– А почему всё-таки не в НИИ? Если у вас действительно нет мест, то непонятно, что вы здесь делаете, – сказал Боря Кириллу Владимировичу.

– Вам русским языком говорят, что у меня нет мест, – ответил тот.

– У меня средний балл 4,7, это достаточно хорошая рекомендация, – обратился Боря к председателю комиссии.

– Конечно, – согласился тот, – но что я могу сделать! Поработайте сначала на заводе, а когда откроется вакансия в НИИ, пойдёте туда.

– Мне надо подумать.

– У нас нет времени, товарищ Коган, ведь не могут же представители предприятий собираться здесь только ради вас ещё раз. Нам предстоит трудоустроить семьдесят человек.

– Я хочу заниматься научной работой.

– Наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями.

– Тогда дайте мне свободный диплом!

– Мы не имеем права.

– Я должен подумать, – повторил Боря.

– Позовите, пожалуйста, следующего, а пока мы будем с ним работать, думайте.

– Хорошо.

– Что случилось? – спросил Саша, когда Борис вышел из аудитории.

– Мне предложили филиал ВАЗа.

– Ты же хотел НИИ!

– Туда Коганов не берут.

– Стой здесь и никуда не уходи, – сказал Саша, – когда получу направление, мы заплём твоё горе, я плачу.

– Ладно.

Когда на комиссию вызвали Сашу, он сказал, что сконструировал машину, которая заняла первое место на всесоюзном конкурсе самоделок.

– Я получил медаль ВДНХ и денежную премию и хотел бы продолжить работать в этом направлении.

– Отлично, – оживился Кирилл Владимирович Тураев, – у меня тоже есть машина, и если бы было время, я бы с удовольствием всё делал сам. При нашем сервисе это не только дешевле, но и надёжней. Давай так, я тебя возьму в НИИ, а ты будешь следить за моим «Жигулёнком», – он хохотнул и добавил, – это, конечно, шутка, а если серьёзно, то у нас для молодых способных ребят отличные перспективы.

– Какие? – спросил Саша.

– Через пару лет – аспирантура и кандидатская диссертация, а потом, если повезёт, и докторская.

– В общем, научная деятельность.

– Да, – подтвердил Тураев, – и раз ты сам сконструировал машину, это как раз для тебя.

– Нет, я предпочитаю практику, ну, например, движок в машине перебрать или неисправность устранить, а вам нужны люди, которые любят исследовательскую работу. У меня есть на примете один такой человек, я сейчас его позову, – Саша открыл дверь и окликнул Бориса.

– Я договаривался с тобой, а не с ним, – сказал Тураев, когда молодые люди вошли.

– Но ведь у вас есть место, Кирилл Владимирович, вы сами только что сказали.

– Я это сказал тебе.

– Что же получается, для меня место есть, а для Когана нет? Это наводит на очень печальные размышления, Кирилл Владимирович, и если мои подозрения подтвердятся, то у вас могут быть серьёзные неприятности. Я ведь наш разговор на магнитофон записал, – Саша вынул из бокового кармана пиджака кожаный футляр на ремешке и покрутил им в воздухе, – очень удобная штука, мне её дал один человек, который недавно вернулся из Японии. Смотрите, симпатичный магнитофончик, правда, – Саша опять покрутил футляр у носа Тураева и добавил: – плёнку я оставлю себе, а копии пошлю в ваше Министерство и в редакцию «Комсомольской правды». Что вы на это скажете?

Начальник отдела кадров сидел молча, зло уставившись на Сашу, а тот, жестом пригласив Бориса к столу, сказал:

– Напиши свою фамилию печатными буквами и распишись. Борис не стал возражать, а когда они вышли, спросил:

– Кто это тебе магнитофон дал?

– Какой магнитофон?

– Японский.

– То, чем я крутил перед Кирюхиным носом, – это советский калькулятор в японском футляре, я его всегда для понта ношу. Я знал, что Кирюха этого не поймёт, а вот ты! Я думал, что у тебя мозгов больше. Еврей называется. Правильно тебя на завод распределяли. Там тебе самое место.

– И ты думаешь, твой фокус что-нибудь изменит?

– Конечно, – уверенно ответил Саша, – ведь Кирюха, кроме всего прочего, алкаш.

– Откуда ты знаешь?

– Я это вижу, ты уж мне поверь, и когда я придумаю, как это использовать, я дам тебе знать.

Через неделю Саша приехал к Борису, сказал, что хочет поговорить с Кирюхой, и подсоединил к телефону небольшую приставку. Затем он набрал номер, и сразу же стали слышны гудки на другой стороне линии.

– Алё, это НИИ автодорожной промышленности? Позовите, пожалуйста, Тураева к телефону... Кирилл Владимирович?

– Да.

– Здравствуйте, с вами говорит капитан Лебедев, инспектор ГАИ. Кирилл Владимирович, неделю назад вы стали свидетелем ДТП на углу Ленинградского проспекта и улицы Пономарёва. Столкнулись автомобили «ГАЗ-М21» и «Запорожец».

– Вы меня с кем-то путаете, я ничего не видел.

– Нет, я вас ни с кем не путаю, потому что не видеть это мог только слепой или... – Саша сделал паузу и усмехнулся так, что его смешок легко можно было услышать на другом конце провода, – пьяный в стельку, да и тот если бы не увидел, то наверняка бы услышал, потому

что сразу же за ударом раздались детские крики. По свидетельству очевидцев, движение в обе стороны остановилось, и никто не мог проехать.

– Да говорю же вам, я ничего не видел, и, насколько я помню, движение там было совершенно нормальным.

– У вас девятая модель Жигулей, номерной знак...?

– Да.

– Вы ехали по указанной улице в пять часов двадцать минут от Ленинградского проспекта?

– Я точно не помню, но обычно я в это время возвращаюсь с работы.

– Кирилл Владимирович, ребёнок находится в больнице. Мы очень надеемся, что он выздоровеет, но родители его в ужасном состоянии, и что они могут предпринять, мы не знаем.

– Да у меня за последние восемь лет не было ни одного предупреждения!

– Я не говорю про последние восемь лет, я говорю про конкретный день. У нас есть запротocolированные показания постового. Он пытался вас остановить, но вы проигнорировали его требования. Он записал номер вашей машины и попросил оказавшегося рядом прохожего быть свидетелем. Прохожий отказался, но, поскольку его задержали за переход улицы на красный свет, постовой предложил ему сделку: свидетельские показания в обмен на штраф. Пока они торговались, выяснилось, что машина принадлежит вам, после чего молодой человек согласился. Зовут его... сейчас, погодите минутку. Да, вот, Борис Яковлевич Коган.

– Откуда они узнали, что это была моя машина?

– Кирилл Владимирович, мы ведь живём в XX веке, в нашем управлении есть современная техника, и по номеру машины в базе данных мы можем быстро найти хозяина. Мы не прислали вам повестку и решили пока ограничиться звонком, но для того чтобы всё было по букве закона, вы должны поговорить с товарищем Коганом. Дать вам его телефон?

– Да.

– Записывайте. Ну, всего вам доброго.

Саша положил трубку и посмотрел на друга.

– Кирюха, успокоившись, элементарно узнает, что там никакой аварии не было, – сказал Борис.

– Авария была, и его действительно пытались остановить.

– Почему же он не остановился?

– Скорее всего, потому что был пьян, но это неважно.

– Что же мне делать?

– Думай сам, теперь всё зависит от тебя.

* * *

После переговоров с Тураевым Бориса взяли лаборантом в НИИ, и он стал делать диплом в недавно организованной лаборатории автоматики. Штатное расписание в ней утверждено не было, существовала она на хозрасчётные темы, и было непонятно, выживет ли она вообще, а если нет, то Тураев мог уволить молодого специалиста без лишних объяснений. Боря в институте получил лишь самое поверхностное понятие об автоматике и должен был учить её по ходу работы над дипломом. Иногда он приходил на кафедру родного института для консультаций.

Там делал диплом Саша, который, несмотря на желание перебирать двигатели, на завод распределяться всё же не стал.

Однажды, встретив Бориса, он спросил:

– Ты здесь ничего необычного не заметил? – Боря посмотрел по сторонам.

– Нет, а что?

– Плакат видишь?

– Ну, вижу.

– Интеллигентные люди не говорят «ну, вижу», они говорят просто «вижу».

- Вижу, ну.
- Не «вижу, ну», а просто «вижу».
- Ну, вижу, ну.

Эту шутку они впервые услышали в Одессе и довольно часто её повторяли, меняясь ролями. Им обоим она не надоедала, потому что напоминала их недавно закончившееся путешествие по Югу. Перед дипломом они поехали туда на Сашиной машине. Володя присоединиться к ним не мог, поскольку уже два года во время каникул ездил на гастроли по различным городам Союза вместе с небольшой группой артистов, которую собрал Лужин.

– Почитай внимательно вон тот плакат, – сказал Саша. Боря посмотрел в указанном направлении, потом присмотрелся, потом прочитал ещё раз и ухмыльнулся.

- Моя работа, – похвастал Саша.

Он добавил всего одну букву и так ловко переписал две соседние, что это совсем не бросалось в глаза, но смысл плаката менялся кардинально. Теперь вместо стандартной и набившей оскомину фразы «Идеи Ленина побеждают», висевшей во всех местах общественного пользования, на стене красовалось злобное утверждение о том, что «Иудеи Ленина побеждают».

- Кто-нибудь видел? – спросил Боря.
- Мишка Ларионов.
- Ну?
- Я ж тебя учу, воспитанные люди не говорят «ну».
- Ну? – повторил Коган.

– Посоветовал мне перерисовать всё взад.

- А ты?

– Я хочу провести научный эксперимент и посмотреть, сколько этот плакат здесь провисит.

- Я слышал, что ты вместе с Мишей диплом делаешь?

– Да, шеф считает, что дал нам многообещающую тему, и если всё нормально пойдёт, она может стать основой для кандидатской.

- Кому?

– Нам обоим.

- Понимаю. А как у Мишки дела, я имею в виду дома?

– Мне кажется, он счастлив, когда ему удаётся оттуда вырваться. Он, между прочим, способный парень. Просто для того чтобы добраться до своих способностей, ему пришлось разгрести много дерьма, но теперь он часто подаёт хорошие идеи. Я думаю, это связано и с тем, что Миша Второй уже вне опасности.

- А Света?

– Она взяла академический отпуск и носится с детьми, как клуша. Мне вообще иногда кажется, что именно она виновата в болезни своего первенца.

- То есть?

– Понимаешь, маленькое человеческое существо – это зверёныш. Он чувствовал, что был смыслом жизни и центром внимания всей семьи и хотел этого внимания ещё больше, а взять его было неоткуда, вот он и болел. А когда родился второй ребёнок, он понял, что всё прошло и даже если он умрёт, родители это переживут. И назло им выздоровел.

- Ты мистик, Саша.

– Никакой я не мистик, я реалист. Ты только Мишке ничего не говори.

* * *

Незадолго до защиты диплома Саша должен был встречать отца, возвращавшегося из отпуска на Юге. Саша не любил такую погоду и ехал очень осторожно. Шёл мелкий противный дождь, дорога была скользкая, к тому же на неё занесло мокрые листья, которые представляли дополнительную опасность. Перед поворотом Саша увидел впереди огни и притормозил, но

водитель приближающейся машины оказался не таким осторожным, и его вынесло на встречную полосу. Саша резко вывернул руль и, избежав лобового столкновения, слетел в кювет. Там мирно спали три алкоголика, напившиеся какой-то самодельной дряни. Экспертиза установила, что один из них умер ещё до того, как его ударила машина, двое других тоже отравились и вскоре отправились бы к праотцам без посторонней помощи, однако удар убил второго и ранил третьего. Грузовик, из-за которого всё это произошло, даже не остановился, а других машин на дороге не было. Саша выбрался из кювета, но вместо того чтобы уехать и отрихтовать свою машину, привёз всех пострадавших в больницу, рассказал, что произошло, и по просьбе секретарши составил протокол. Это было его ошибкой. Суд приговорил его к четырём годам тюрьмы. Не смогли ему помочь ни деньги, ни знакомства, ни адвокат.

Он отсидел от звонка до звонка, а вернувшись, прежде всего решил получить диплом и поехал на кафедру. Там он встретил Мишу Ларионова, и бывший однокурсник стал его расспрашивать, но Саша был немногословен. Жизнь в Сибири приятных воспоминаний не оставила. Ему там приходилось несладко, однако 183 см роста и огромная физическая сила были хорошим козырем в борьбе за выживание. Помогло также и то, что Саша был прекрасным механиком, и всё лагерное начальство обращалось к нему за помощью. Быстро закончив свой рассказ, Саша спросил, что произошло в его отсутствие.

– Тесть все эти годы пытался перетянуть меня в торговлю, и мне стоило огромного труда удержаться в науке, – ответил Миша, – я знал, что мне лучше не вступать в тяжбу с законом. Опасности я не чувствую, интуиция у меня отсутствует, и я попался бы при первой же ревизии. Я остался на кафедре, защитил диссертацию и стал доцентом.

Затем Миша Ларионов предложил другу инженерную должность, обещая ему помочь не только защитить диплом, но и поступить в аспирантуру. Он говорил, что в ближайшие три года он гарантирует Саше кандидатскую. Саша отрицательно покачал головой. Жизнь его пошла по другому руслу, и он не хотел начинать всё сначала. Он себя нормально чувствовал в мастерской, и, хотя работа у него была не такая чистая, как на кафедре, денег она приносила гораздо больше. Время упущено, и наверстать его нельзя.

– Всё можно, – уговаривал Миша, – надо только хотеть. У меня есть знакомый аспирант, которому тридцать пять лет, но он совсем не считает себя стариком.

– Нет, Миша. Если ты очень хочешь проявить благотворительность, помоги Борису.

– Он теперь занимается совсем другими вещами.

– Какая разница, ему освоить все эти премудрости гораздо легче, чем мне.

– Понимаешь, Сашка, я не могу ему ничего обещать, а поэтому не хочу и обнадеживать. Судимость в нашей стране прощают, а вот национальность нет. Ты же помнишь, чего тебе стоило распределить его в НИИ, а у нас начальник отдела кадров ещё хуже, чем тот. Как его фамилия?

– Тураев.

– Вот именно, – сказал Миша, – ну, а что ты собираешься делать?

– Постараюсь организовать свою мастерскую по ремонту машин.

В начале приватизации чиновники всех уровней делали себе состояние на взятках, но Саша Иванов ухитрился никому не заплатить ни копейки. Деньги у него были, но, когда чиновники прозрачно намекали, как можно ускорить решение вопроса, он доверительным тоном сообщал о своём тюремном прошлом, добавляя, что лично он ничего против ускорения не имеет, но должен отчитываться перед своими корешами, а как они поступят с человеком, позарившимся на их деньги, он не знает.

Курсы английского языка

Лаборатория автоматики выжила, и через год её заведующий – Вадим Юрьевич Старков – хотел перевести Бориса на должность старшего инженера, но Тураев заявил, что по правилам, прежде чем получить повышение, человек должен проработать не меньше двух лет. Где он нашёл такие правила, было неизвестно, но спорить с ним заведующий лабораторией не стал. Боря тоже не лез на рожон. В конце концов, на жизнь ему хватало, работа нравилась, и здесь, пожалуй, было больше шансов защититься, чем в традиционном автомобилестроении, поэтому он спокойно пропустил в аспирантуру сотрудника, принятого в лабораторию позже него.

Вместо учёбы Борис почти весь год ездил по командировкам, а летом, в качестве компенсации за неудобства, Старков послал его в небольшой поволжский городок, где можно было прекрасно отдохнуть. Боре там задерживаться не хотелось. Он быстро нашёл причину неполадок и, устранив их, несколько дней следил за работой станков. Убедившись, что больше его помощь не требуется, он написал подробную инструкцию и оформил командировку, а перед отъездом зашёл в цех. Был обеденный перерыв, и он не торопясь направился туда, где стояли станки с числовым программным управлением. Приблизившись, он услышал разговор рабочих, сидевших по другую сторону станков и не заметивших его появления.

– Толковый парень этот Коган, – сказал один, – но защититься ему всё равно не дадут.

– Почему же, мне сын говорил, что у них есть евреи на руководящих должностях, – возразил другой.

– Наверное, они из старых, теперь их даже в институты не принимают.

– А чего их учить, если они всё равно в Израиль сматываются.

– Они потому и сматываются, что здесь у них все дороги закрыты.

Борис был поражён. Он считал, что эту государственную тайну в Советском Союзе знают только те, кого она больше всего касается, но оказывается, даже в провинциальном городке её обсуждали простые рабочие.

Вернувшись в Москву, он сказал Старкову, что хочет поступать в аспирантуру, и заведующий лабораторией тут же дал ему рекомендацию, но на экзамене по английскому Боря получил тройку. Его знания вполне соответствовали этой отметке, однако иностранный считался второстепенным предметом, и никто из поступавших никогда не получал ниже четвёрки, а сам экзамен был чистой формальностью. Одно появление экзаменуемого перед комиссией гарантировало проходной бал. Старков пообещал Борису, что в будущем году никакой осечки не произойдёт, и он лично проследит за этим. Пока же Боря может продолжать работать над диссертацией и публиковать результаты исследований в отраслевом журнале, членом редколлегии которого был Старков.

До этого Боря никогда серьёзно не думал об эмиграции, несправедливость он воспринимал как часть жизни. Он с детства знал, что ему всё будет даваться труднее, чем его друзьям. Ничего не сделаешь, если он родился в этой стране с пятым пунктом. Гораздо хуже, если бы он родился слепым, хромым или горбатым. А так он всегда был начеку и в большинстве случаев мог увернуться от неизбежных ударов. Тем не менее, после неудачи с аспирантурой он сказал родителям, что хочет эмигрировать.

– Один ты там не выживешь, – ответила Софья Борисовна.

– Я поеду с вами.

– Нет, Боря, мы с отцом останемся здесь. Тут нам по крайней мере пенсию дадут.

– Там тоже дадут, я узнавал.

– Я в Америке не работала. Почему они должны меня содержать?

– Закон там такой, мама.

– Мы там ничем не сможем тебе помочь и будем лишь обузой. Тебе нужна жена. Вдвоём можно рисковать.

– Пока я буду жену искать, вся жизнь пройдёт.

– В таких вопросах нельзя торопиться.

– Мама, люди разводятся перед эмиграцией, а ты мне предлагаешь жениться!

– Это глупые люди. Им на новом месте не с кем будет посоветоваться, не с кем слова сказать. Для них это будет не жизнь, а мука, ведь человек – животное общественное. Ты попробуй, поживи ни с кем не общаясь. Здесь у тебя есть друзья и знакомые. Может, ты с ними не очень часто встречаешься, но они есть и ты знаешь это. Там же у тебя не будет никого, а поддержка потребуется больше, чем где бы то ни было, – Софья Борисовна посмотрела на мужа, – а как ты думаешь, Яша?

– Я думаю, что жениться ему всё равно уже пора, просто нормальный человек поехал бы в Америку и женился там по расчёту, а наш лопух этого сделать не сможет, ему любовь нужна, поэтому ему лучше жениться здесь. Но ехать надо.

– Почему это надо?

– Вспомни историю. При царе было дело Бейлиса, в 50-х годах безродные космополиты и врачи-вредители, теперь антиссионистский шабаш. Чем дальше, тем хуже. Жаль, что мы уже стары для таких путешествий.

– Всё ясно, – перебила его Софья Борисовна и повернулась к сыну, – если ты действительно настроился ехать, то хотя бы английский выучи. Он тебе в любом случае пригодится.

Она знала, что у Бори не было способностей к языкам. Английский был одним из самых нелюбимых его предметов.

В институте он сдавал зачёты по переводу технического текста, но поскольку отметок им не ставили, он совершенно не старался. Все его однокурсники относились к иностранному точно так же, ибо понимали, что он им никогда не понадобится.

Через несколько дней Боря сказал Старкову, что хочет поступить на курсы английского и просит его заплатить за обучение.

– Зачем тебе английский? – спросил Старков. – Я хочу сдать экзамен в аспирантуру.

– Что же ты не стал поступать в университет марксизма-ленинизма, после того как получил четвёрку по философии?

– Философия нашей работе никакой пользы принести не может, а знание английского – может, и очень большую. Если вы помните, нашу статью не взяли в журнал «Автоматика и телемеханика», потому что очень похожий материал изложен в американском патенте.

– Ну и что?

– Если бы мы знали об этом и перевели патент, то наверняка придумали бы, как его обойти. Сейчас тоже ещё не поздно, но мы уже засветились и теперь сделать это гораздо труднее. Кроме того, в Штатах есть руководство по оформлению патентов на изобретения, и оно нам тоже понадобится. Ведь автоматикой занимаются во всём мире, и если мы сумеем опередить конкурентов, то ваша лаборатория вполне может разрастись до отдела или даже до самостоятельного института.

– И мы построим всемирный центр исследования в Нью-Васюках.

– Напрасно ехидничаєте, Вадим Юрьевич, при небольшом везении это вполне реально.

– Сначала нужно показать результаты.

– Они у нас есть, наши станки уже используют на нескольких предприятиях. Мы за это даже премии получаем, а если позаимствовать иностранный опыт, то будем получать ещё больше. Кстати, японцы, немцы и разные прочие шведы публикуют свои работы на английском языке.

Старков и сам знал это и понимал, что железный занавес конкретно ему даже выгоден: немного изменив западные патенты, он вполне сможет внедрять их в производство как свои. Советское государство давно в этом поднаторело.

– Ладно, считай, что ты меня убедил, – сказал он Борису, – мы будем за тебя платить, но заниматься тебе придётся в свободное от работы время.

Коган поступил на курсы английского и первый месяц ездил на занятия три вечера в неделю, однако скоро это ему надоело. Желание эмигрировать уменьшилось, а возмущение тем, что его не приняли в аспирантуру, прошло. Ведь ни тройка по английскому, ни слова рабочего не были для него чем-то из ряда вон выходящим. Он всё это знал с детства. Конечно, обидно терпеть несправедливость, но не он первый и не он последний. Нет правды на земле, а раз правды нет, то и не стоит учить иностранный так упорно. Достаточно двух раз в неделю или даже одного.

После окончания курсов Боря перевёл несколько статей своих американских коллег и увидел, что, в отличие от него и его сотрудников, американцы ухитрились взять патент на каждое микроскопическое новшество. Родись они в XVIII веке, они, вероятно, запатентовали бы отдельно нитку, отдельно иголку и отдельно сшивание двух кусков материи с помощью нитки и иголки, а уж за напёрсток наверняка выхлопотали бы себе Нобелевскую премию, несмотря на то, что тогда этой премии и не было. Наверное, в США действительно существует руководство по получению патентов, и, значит, выдумав в приливе красноречия эту книгу, он случайно попал в десятку.

Собственно говоря, в этом не было ничего необычного. Умение преподнести всегда оказывалось гораздо важнее того, что ты преподносишь. Яркий тому пример – сам Старков, который обладал поразительной способностью оказаться в нужное время в нужном месте и сказать именно то, что от него хотели услышать.

Знамя над Рейхстагом

Володю Муханова инженерная карьера не привлекала, и к своим обязанностям он относился как к необходимому злу. Это чрезвычайно не нравилось его шефу, который хотел, чтобы подчинённые трудились по десять часов в день, семь дней в неделю. Но по закону уволить Муханова раньше, чем через три года, он не мог, а к концу этого срока Володя перешёл на общественную работу и стал освобождённым профоргом института. У него уже была постоянная прописка в Москве, но жил он ещё со своей фиктивной женой. Она готова была развестись и разменять свою квартиру, однако предъявляла очень высокие требования к будущему жилищу. Володя обратился к маклерам, но они заломили такую цену, что он решил сделать всё сам. После длительных усилий ему удалось найти желающих, один из которых жил в подмосковном Красногорске, а другой в Лианозове. К этому времени Муханов истратил большую часть бабушкиного наследства, и, когда пришёл за последней сберкнижкой, дед Лазарь сказал:

– Если у Алёны остались другие украшения, я готов их пристроить.

Он был не первый, кто говорил о богатствах бабушки. Володины односельчане тоже иногда повторяли слухи о бриллиантах, но сам он в эти рассказы не верил, считая, что, если бы драгоценности существовали, бабушка Алёна давно сказала бы ему о них. Он пожал плечами и ответил:

– Я в её доме не видел ни одного стула из гостиного гарнитура мастера Гамбса².

– А ты посмотри получше, чем чёрт не шутит, – серьёзно ответил старик.

– Обязательно посмотрю, а когда обнаружу, принесу вам на оценку.

Получив отступные, бывшая жена Муханова согласилась уехать на окраину Москвы, а сам он поселился за городом, рядом со своими друзьями. Разбирая вещи в своём новом жилище, он нашёл тетрадь, где были записаны адреса и телефоны людей, с которыми ему приходилось вести переговоры об обмене квартиры. Он уже собирался выбросить её, но, полистав, решил попытаться использовать имеющуюся информацию. Выбрав троих желающих, он нашёл для них несколько вариантов обмена, позвонил им, напомнил о себе и сказал, что у него есть хорошая новость. Они внимательно выслушали его и договорились встретиться. Он показал каждому будущее место жительства и назвал цену за предоставляемые услуги. В общей сложности она была равна его двухмесячной зарплате. Никто даже и не подумал торговаться, и Володя решил, что маклерство может стать хорошим приработком.

Через некоторое время заболела мать Муханова – Евдокия Олеговна. Он привёз её в Москву, выяснил, что ей надо делать операцию, и с большими трудностями устроил в больницу, а после операции забрал мать домой и больше месяца ухаживал за ней. Когда она выздоровела, он собирался отвезти её в деревню, но она возвращаться не хотела. Ей очень нравилась Москва. Жить здесь было гораздо легче. Не надо пилить дрова, топить печку и ухаживать за огородом. Продукты всегда можно купить в магазине. Конечно, они не такие хорошие, как в деревне. Там колхозники на дальнем поле выращивали для себя овощи, которые, как и в добрые старые времена, удобряли навозом. Другие, на продажу, они щедро поливали разной химией. Продукты, полученные по новейшей технологии, были гораздо крупнее своих натуральных собратьев и совершенно безвкусные. В них никогда не заводились черви, и они месяцами не портились. Впрочем, в Москве даже они успевали сгнить, и Евдокия Олеговна не могла понять, в каких условиях надо было их хранить, чтобы довести до такого состояния. Но всё это было очень небольшой платой за удобства столичной жизни.

Несмотря на недовольство сына, она продолжала жить с ним, а выгнать её он не мог. Она до сих пор имела на него сильное влияние. В детстве он вообще её побаивался. Тогда она была

² Один из 12 стульев, которые искал О. Бендер.

молодая дородная женщина и в процессе воспитания сама часто применяла веками опробованные средства, которые впоследствии стали считаться антигуманными и непедagogичными. Когда у Евдокии Олеговны не осталось уже никаких признаков болезни, Володя твёрдо настроился отправить её в деревню. Он говорил, что её дом требует ремонта, что бабушка Алёна уже стара, самостоятельно жить не может, и ей необходима помощь. Евдокия Олеговна не возражала, но всё время оттягивала отъезд, а когда, наконец, наступил заранее назначенный день, она притворилась больной и так натурально разыграла свою хворь, что соседи стали обвинять Володю в бессердечии. Слушая их упрёки, он подумал, что в других обстоятельствах его мать могла бы быть неплохой артисткой. Он сделал ещё несколько попыток избавиться от неё, но, убедившись, что это не удастся, прописал её у себя, купил справку, что ей полагается дополнительная жилплощадь, и после нескольких обменов въехал с ней в двухкомнатную квартиру.

Со временем он познакомился с чиновниками, оформлявшими ему документы, и с помощью одного из них приобрёл путёвку в специальный дом отдыха. Такого обслуживания он раньше не мог себе представить. Он жил в отдельном номере, каждый день ему меняли постельное бельё, в столовой кормили деликатесами, которые в обычных магазинах почти никогда не продавались. В распоряжении отдыхающих был бассейн, гимнастический зал, теннисные корты и тренеры по любому виду спорта. В нескольких кинозалах можно было смотреть не только советские фильмы, но и иностранные, которые никогда не появлялись в прокате. Каждый вечер устраивались танцы с неизвестно откуда взявшимися симпатичными доступными девочками.

Пожив в раю всего несколько дней, Володя твёрдо решил войти в круг избранных. Не он этот мир выдумал, не он установил правила игры, он лишь хотел хорошо жить, и деньги, как оказалось, были далеко не самым главным для достижения этой цели. Гораздо важнее были власть и связи. Володя видел, что первый секретарь какого-то подмосковного района с деревенским именем – Трофим Спиридонович Артамонов – бесплатно имеет то, что ему самому не светит даже при наличии хорошего капитала. Муханов познакомился с этим толстым чванливым человеком и сделал всё, чтобы понравиться ему. Потом с его помощью устроился инструктором в Красногорский райком и скоро влюбил в себя его дочь Аллу. Когда Трофим Спиридонович хватился, она уже собралась выходить за Володю замуж. Артамонов пытался было возражать, но Алла устроила истерику с битьём посуды и царапанием собственной физиономии, после чего ушла к Володе. Домой она вернулась только через две недели, когда зажали все царапины, а родители согласились на её свадьбу.

Тесть без восторга отнёсся к этому браку, но решил сделать молодым царский подарок. Не потратив ни копейки собственных денег, он начал пробивать им шикарную трёхкомнатную квартиру. Однако это требовало времени, а пока, так же без всяких капиталовложений, Трофим Спиридонович Артамонов договорился со своими чиновниками о поездке дочери и зятя в Германию.

До этого Володя за границей не был. Узнав о предполагаемой поездке, он сказал жене, что хочет посмотреть страну, а не бегать по магазинам.

– Что же ты там собираешься увидеть? – спросила она.

– Как люди живут, что они делают в свободное время. Как пьют пиво, стучат кружками по столу и едят сосиски с квашеной капустой. Я и сам хочу попробовать их пиво с сосисками, а если повезёт, то и попасть в театр Брехта.

– Интересно, на какие шиши?

– Это не должно быть очень уж дорого. К тому же питаться мы будем консервами и возьмём с собой водку. Говорят, «Столичная» там очень высоко ценится. Но тратиться на покупку тряпок я не хочу. Когда мы вернёмся, обещаю тебе достать всё, что угодно.

О поездке в капиталистическую страну простой смертный не мог тогда даже мечтать, но и в «страну братского социалистического лагеря» попасть тоже было нелегко, а семью в пол-

ном составе за границу и вовсе старались не выпускать. Хотя бы одного представителя элементарной ячейки общества государство оставляло у себя в качестве заложника. Для Мухановых сделали исключение. Узнав об этом, Володин коллега Пётр Слизняков, давно подавший заявление на путёвку, тоже решил взять с собой жену. Он был склочник и интриган, ссориться с ним никто не хотел, и перед руководителем группы встал неприятный вопрос: кого из ранее утверждённых кандидатов оставить дома. Предлог мог быть любой, можно было даже обойтись и без предлога, сославшись на решение высшего начальства, но руководитель хотел выглядеть объективным и, собрав комиссию, провёл дополнительное собеседование со всеми соискателями. Им задавали вопросы по международному положению и истории КПСС, а когда очередь дошла до секретарши, её стали спрашивать особенно придирчиво. Она, зная свою незащищённость, подготовилась лучше других и правильно ответила на все вопросы. Тогда руководитель группы поинтересовался, почему она хочет за границу и всё ли осмотрела на одной шестой части суши, именуемой Советским Союзом. Женщина всё поняла и расплакалась. Она долго копила деньги на отпуск и перед пенсией хотела съездить в Германию, для того чтобы купить себе приличное зимнее пальто и привезти подарки внукам, однако её планам не суждено было осуществиться. Члены комиссии вместо неё включили в туристическую группу жену Слизнякова. Конечно, им было жалко секретаршу, но они решили, что если она не уйдёт на пенсию, то сможет поехать в будущем году...

Уже в самолёте Володя увидел Егора Кузьмича Заречного, который был председателем колхоза-миллионера. Они иногда встречались в Райкоме и, столкнувшись в новой обстановке, почувствовали себя давнишними приятелями, а после первой же экскурсии стали обмениваться впечатлениями. Другие члены группы в это время выясняли, где можно купить недорогую модную одежду.

В магазинах Берлина знали, для чего приезжают русские туристы, и относились к ним так же, как москвичи относятся к жителям дальних пригородов, выбрасывающих в столицу интендантский десант. Советских граждан легко можно было отличить не только потому, что они ходили группой, послушно следуя за экскурсоводом и сопровождаемые недремлющим оком старшего. Было что-то необъяснимое в их поведении и в выражении лиц. Продавцы узнавали их сразу и довольно хорошо объяснялись с ними с помощью жестов и нескольких русских слов, которые молодые успели выучить, а старые вспомнить. Заречный пошёл по магазинам вместе со всеми, но, когда старик-менеджер на ломаном русском языке стал расхваливать ему женское пальто, председателя колхоза затрясло. Он выскочил из магазина и быстро зашагал в гостиницу. Ему показалось, что немец злорадствовал, глядя на покупателей из России, которые до сих пор не могли изготовить у себя ни красивой одежды, ни качественной обуви, ни современных бытовых приборов.

В конце следующего дня, после прогулки по городу и обязательного возложения цветов к подножию памятника советскому солдату-освободителю, когда группа из Красногорска возвращалась в гостиницу, Володя спросил Заречного:

- Что вы такой сердитый, Егор Кузьмич. Выпейте, у вас сразу настроение поднимется.
- Я в одиночку не могу. Заходи, выпьем вместе.
- Да поздно уже...
- Ничего не поздно, ты, небось, со своими друзьями в баньках до утра гудишь, а сейчас и одиннадцати нет. Приходи и жену с собой бери, я угощаю.

Володя посмотрел на Аллу, но она отрицательно покачала головой:

- Нет, я устала и пойду спать, а ты иди, если хочешь.
- Хорошо, – сказал Володя, почувствовав, что жена явно не настроена заниматься любовью. К тому же наладить хорошие отношения с председателем колхоза никогда не помешает.

Егор Кузьмич действительно скверно себя чувствовал. Эта поездка напомнила ему события тридцатилетней давности, когда на Украине погибла его первая жена. В Заречном вновь

проснулась ненависть к фашистам и отвращение к немецкому языку. Он вспомнил, с каким трудом ему удалось уйти добровольцем на фронт, и с какой злобой он там сражался. Вспомнил он и чистенькие деревни Германии, и аккуратные городки, в каждом из которых обязательно был хорошо оборудованный стадион, пляж с туалетами и какими-то кабинками непонятного назначения. Потом ему объяснили, что эти кабинки служили для переодевания. Всё указывало на спокойную и благополучную жизнь, гораздо более удобную и богатую, чем в Советском Союзе. Это вызывало ещё большую ненависть, но, вернувшись с фронта, Заречный постепенно забыл военные впечатления. Теперь же, вновь оказавшись в Германии, он увидел, что здесь можно без всякой очереди купить и продукты, и одежду, и бытовую электронику. Но больше всего Заречного раздражали полицейские в форменных касках и с дубинками. Они напоминали ему эсэсовцев.

– Да это совсем другие люди, Егор Кузьмич, – пытался успокоить его Володя, – посчитайте, сколько лет прошло.

– Может, и прошло, но мне всё равно хочется их задушить. Я видел, как продавцы ухмылялись, когда показывали нам свои товары. Старик наверняка воевал против нас во время войны, сам подумай, где ещё он мог выучить русский. Я в этой стране спать не могу, мне всё время кошмары снятся. А днём, когда вижу, как они живут, становится ещё хуже. Они ведь проиграли войну, и у них в магазинах по пять сортов колбасы, а у нас?.. Лучше бы я сюда не приезжал!

– Да бросьте вы, Егор Кузьмич. Давайте лучше выпьем, – сказал Володя.

Заречный не отказывался и через некоторое время, практически в одиночку, опустошил вторую бутылку. Изрядно захмелев, он спросил:

– Ты знаешь, кто первый поднял знамя над Рейхстагом?

– Конечно, знаю, Егоров и Кантария, – ответил Володя.

– Егоров и Кантария, – передразнил Заречный.

– А кто же?

– Я с Ашотом Мирзояном. И было это не знамя, а красное полотнище на палке, потому что мы очень спешили. Ведь к Рейхстагу в любой момент могли пробиться другие наши подразделения, – Заречный открыл третью бутылку, налил себе полный стакан и залпом его осушил. – Мы охраняли Рейхстаг от своих, потому что сами хотели получить награды, но на следующий день приехали особы и сорвали наше полотнище, а когда мы начали протестовать, один из них сказал, что это приказ Главнокомандующего. Жуков велел найти двух молодых ребят, представителей двух великих народов – русского и грузина, чтобы те всё сделали, как положено. Хохол с армянином для этой цели не подходили. Потом прибыли военные операторы и стали совещаться, как лучше заснять историческое событие.

Володя с интересом смотрел на Заречного. Теперь, спустя столько лет, многие участники войны хвастали, что чуть ли не в одиночку выиграли Курскую битву или Сталинградское сражение, но рассказ этого человека казался ему весьма правдоподобным. И если он действительно не врал, то ему должно было быть очень обидно.

– А почему вы не взяли настоящее знамя? – спросил Володя.

– Потому что мы не знали, где оно находится. За его утерю всё подразделение расформировывали, а командира расстреливали, поэтому он всегда держал знамя рядом.

– Где же он был, когда вы подошли к Рейхстагу?

– Чёрт его знает.

– А почему вы раньше об этом ничего не говорили?

– Жить хотел.

«Да, – подумал Володя, – его запросто могли обвинить в клевете и отдать под трибунал. Конечно, теперь к председателю передового колхоза, участнику парада Победы и орденоносцу проявят снисхождение и сочтут его рассказы пьяным хвастовством».

– Не могу я больше находиться в Германии, боюсь, уйду в штопор и набью кому-нибудь морду, – сказал Заречный, провожая Володю.

На следующий день старший группы сказал, что Егор Кузьмич заболел и его отправили домой. Этот факт ещё больше убедил Володю в правдивости рассказа Егора Кузьмича. Ведь в официальной версии действительно было очень много подозрительных совпадений. Количество людей, водрузивших знамя, их национальность и то, что съёмочная группа со всем очень непростым оборудованием оказалась в нужный момент в нужном месте.

Володя не испытывал ненависти к немцам. Наоборот, видя их чистенькие городки и аккуратные постройки, думал, что Пётр Великий недаром приглашал их в Россию. Народ и на самом деле талантливый.

После очередной экскурсии Муханов спросил гида, где находится недорогой пивной бар. Тот ответил, что может показать им одно интересное местечко, в которое как раз сегодня собирался пойти со своей девушкой. Там будет проходить осенний пивной фестиваль.

Володя обрадовался. Немецкого он не знал и даже если бы ему всё подробно объяснили, легко мог бы заблудиться.

Бар находился недалеко от гостиницы и выглядел очень скромно. Внутри стояло несколько длинных столов человек на двадцать каждый, рядом лавки, а в углу была площадка для музыкантов. Там уже расположились баянист, певец и барабанщик. Экскурсовод огляделся, но, не увидев своей девушки, предложил Мухановым сесть рядом. Вскоре подошла официантка и спросила, что они будут заказывать. Они жестами показали на кружку пива и сосиски. Официантка задала ещё какой-то вопрос, но Володя разобрал только слово пиво, а их экскурсовод пояснил, что оно здесь нескольких сортов. Тёмное, светлое и золотистое, причём каждый сорт может быть разных видов. В Москве Володя редко ходил в бары, но хорошо знал, что там выбора не было. Всем давали одно и то же – пиво бочковое, разбавленное. Подумав, он сказал гиду:

– Закажи на свой вкус.

– Возьмите одну кружку тёмного, а одну светлого, выпейте по половине и поменяйтесь, – предложил тот. Мухановы так и сделали. Пока музыканты настраивались, экскурсовод закончил первую кружку и заказал ещё, а сосед напротив спросил у Мухановых, как им нравится немецкое пиво. Гид перевёл. Володя ответил, что пиво им очень нравится, но они с одной кружкой планируют просидеть целый вечер, потому что денег на другую может и не хватить. Им же ещё хочется посмотреть, как в барах люди поют песни и стучат кружками.

Сосед Володи по его жестам всё прекрасно понял, засмеялся и что-то сказал экскурсоводу, а тот перевёл:

– Не беспокойтесь, заказывайте, этот парень заплатит. Я его знаю, он за вечер не напрягаясь выпивает кружек семь-восемь.

– Так это же семь литров! – удивился Володя.

– Он член элитного клуба любителей пива, а туда принимают только тех, кто выпьет двенадцать.

– За какое время?

– Специально время никто не ограничивает, но в полночь бар закрывается.

– Я, наверное, и эту кружку допить не сумею, – сказала Алла.

– Не беспокойся, я тебе помогу. Такого вкусного пива я ещё не пробовал, – успокоил её Володя.

– Попробуй ещё золотистое, – предложил переводчик, и Володя кивнул. Вскоре музыканты, приплясывая, пошли между рядами, приглашая всех посетителей следовать за ними. Сосед, угостивший Мухановых, взял Аллу за руку и повёл за собой. Володе ничего не оставалось, как присоединиться. Вся процессия вытанцевала на улицу и, ведомая музыкантами, стала медленно продвигаться вдоль здания. Видно было, что участники хорошо знали марш-

рут, потому что, обойдя вокруг газетного киоска, повернули обратно. В этот момент Володя увидел своих сотрудников.

Слизняковы ухитрились выторговать в каком-то магазине большой ковёр по сходной цене. Автобусы в это время ходили редко, а счастливые обладатели ковра не знали ни языка, ни маршрутов и, боясь, что их завезут неизвестно куда, тащили ковёр на себе. Столкнувшись с Мухановыми, они остановились.

– Что вы здесь делаете? – спросил Слизняков-муж.

– Пьём пиво и танцуем, – ответил Володя, – разве не видно?

Слизняковы перевели взгляд на гида. Тот кивнул и вместе со всеми, пританцовывая, направился обратно в бар.

В тот же день Володю и Аллу вызвал старший группы и подробно расспросил, что они делали в пивной, кто там был, с кем они успели познакомиться, о чём говорили и почему не пошли отовариваться вместе с остальными членами группы. Володя ответил, что давно хотел попробовать немецкое пиво и вчера специально для этого пошёл с женой в самый дешёвый бар. Кстати, каждый из трёх сортов пива, которые он вчера пил, гораздо лучше Жигулёвского. К тому же он видел, как немцы, подвыпив, стучат кружками по столу. У него это вызвало неприятные ассоциации, и хорошо, что при этом не было Заречного, иначе в баре началась бы потасовка. Но, в общем, немцы оказались нормальными людьми. Они так же любят встречаться со своими друзьями, петь и танцевать, только пьют не водку, а пиво, и войну начали потому, что были обмануты гитлеровской пропагандой.

Услышав эти часто повторяемые советской прессой слова, руководитель решил, что над ним издеваются, и внимательно посмотрел на Володю, но Муханов ответил ему открытым взглядом положительного героя советских кинофильмов. Поняв, что дальнейшие расспросы бесполезны, старший закончил беседу и пошёл к Слизняковым. Похвалив их за проявленную бдительность, он заверил, что Мухановы ничего противозаконного не делали.

Схватка с ворами

Володя продолжал играть в любительской студии и иногда приглашал друзей в ведущие театры Москвы на самые популярные спектакли. После этого ребята обычно заходили в кафе. У них даже выработался своеобразный ритуал: Муханов доставал билеты, Саша привозил всех на своей машине, а Борис расплачивался в кафе. Иногда к трём мушкетёрам присоединялся и д'Артаньян – Миша Ларионов.

В тот раз Володя пригласил их в театр Сатиры, а поскольку собственная машина Саши проходила очередную модернизацию, он привёз друзей в машине отца.

Во время антракта Борис подошёл к окну, из которого открывался вид на площадь. Он взглянул на машину друга, закрыл глаза, потряс головой и посмотрел снова.

– Ты что? – спросил Саша.

– Либо у меня обман зрения, либо я сошёл с ума.

– Это очень короткий путь, – заметил Саша, но, проследив за его взглядом, прошептал: – вот сука! Сейчас он пожалеет, что его мама родила, – и, повернувшись к Боре, сказал: – возьми Муханова и подходите к машине.

Борис нашёл Володю у входа в туалет и, предупредив его, вышел на площадь. Саша, поправляя галстук и посматривая на часы, уже подходил к стоянке. У него был вид интеллигента, прогуливающего породистую собаку.

Около его машины сидел парень лет тридцати и сосредоточенно крутил домкрат. Изредка он смотрел по сторонам, но на Сашу не обратил ни малейшего внимания. Подойдя к нему вплотную, Саша схватил его за волосы и изо всей силы ударил о колесо. Парень взревел от боли и сразу же к месту происшествия быстрым шагом направился плотный мужчина в спортивном костюме.

– В чём дело, ребята, – крикнул он, – я дружинник.

– Тогда позови милицию, а то они и тебе морду набьют, – посоветовал Боря спеша ему навстречу.

– Нужно их разнять, – сказал дружинник.

– Обязательно, – согласился Боря и, указав рукой влево, добавил, – ой-ой-ой, смотри.

Мужчина повернулся, и Борис ударил его ногой в пах. Бил он сбоку, из очень неудобного положения и точно по цели не попал, но дружинник охнул и перегнулся пополам. Затем давно отработанным и уже почти забытым движением Боря схватил дружинника за волосы, приложил его голову к своему колену и оттолкнул. Мужчина каким-то чудом удержался на ногах, но к этому моменту Саша уже нокаутировал вора и, подскочив к дружиннику, хуком снизу уложил и его. Через секунду они услышали милицейский свисток, и на месте происшествия появился страж порядка.

– Прекратите дебоширить, – крикнул он зычным голосом, и тут же раздался голос Муханова, бежавшего к стоянке машины:

– Я всё видел, я могу засвидетельствовать. Вот тот, около домкрата, пытался свинтить колесо с машины моего друга, а этот начал его защищать. Я всё видел.

Вор, лежавший у домкрата, пришёл в себя и, подняв голову, пробормотал, что его хотели убить, но Володя успел пнуть его ногой, до того как милиционер засвистел во второй раз.

– Не смейте их трогать, – приказал милиционер, – мы сейчас пройдем в отделение, и я составлю протокол.

– Ни в какое отделение мы не пойдём, – продолжал кричать Володя, ещё больше привлекая внимание прохожих, – ты там насоставляешь такой протокол, что мы окажемся виноваты.

– Что ты орёшь как сумасшедший, заткнись, – пытался осадить его милиционер.

– Мы застали воров на месте преступления, – не обращая внимания, продолжал истошно вопить Володя, – граждане, смотрите, будьте свидетелями. Пусть этот с домкратом скажет, что лежит в бардачке машины, а потом пусть попробует открыть её, и мы посмотрим, есть ли у него ключ.

– Мы должны пройти в отделение и составить протокол, – гнул своё милиционер.

– Мы это сделаем здесь, – не унимался Володя, – смотри, сколько свидетелей, и бумага с ручкой у нас есть. А начнём с тебя. Как твоя фамилия, какой у тебя номер?

– Не твоё дело.

– Нет, моё, ты хочешь составить протокол! Ну, говори, я запишу. Граждане, посмотрите, мои друзья пресекли воровство, а мент хочет обвинить нас в хулиганстве. Пойдите за справедливость, товарищи, ведь завтра и вы можете оказаться на нашем месте. Посмотрите, у них здесь банда, один ворует, а двое охраняют. У этих головорезов всё куплено – и дружина, и милиция.

К этому моменту вокруг них собралась небольшая толпа. Борис и Саша, поражённые представлением своего друга, на минуту выпустили из поля зрения дружинника, а тот, воспользовавшись этим, незаметно встал и бросился бежать.

– Видите, товарищи. Один назвался дружинником и сбежал, а второй хочет нас в отделение затащить. Они все заодно, порядочному человеку из их отделения живьём не выйти. Граждане, давайте я составлю протокол при вас.

– Чего орёшь, – уже менее агрессивно сказал милиционер, – пойдём в отделение, там всё и оформим.

– Никуда мы не пойдём, – ответил Саша, – пиши всё здесь, а на вора надень браслеты.

– У меня их нет.

– Нет?! Ну и не надо, – Саша заломил вору руки за спину, а Борис достал из багажника верёвку, и они перевязали ему руки. К удивлению друзей, нашлось три старушки, согласившиеся пойти в отделение и засвидетельствовать происшествие.

В кафе в тот день они так и не попали. Потом Саша несколько раз звонил в милицию, но ему говорили, что дело расследуется, а после очередного звонка он подумал, что если бы не Муханов, то неизвестно, как закончилась бы их поездка в театр. Не исключено, что они получили бы привод за хулиганство.

Отрепетированное сватовство

Нина Михайловна Поланская окончила водительские курсы, успешно сдала выпускной экзамен и получила права. Она не особенно утруждала себя изучением правил и практикой вождения, считая, что взятки вполне заменят знания и навыки. Точно так же считали и её одноклассники, которые сначала вынуждены были купить своим преподавателям подарки на дни рождения, очень вовремя пришедшиеся на время обучения, а потом собрать весьма кругленькую сумму на экзамен.

Получив официальный документ, Нина Михайловна решила, что теперь она вполне может ездить не только по тихим улицам подмосковного Красногорска, но и по самым оживлённым магистралям столицы. Её муж, Лев Абрамович, этой уверенности не разделял и, прежде чем дать ей машину, хотел убедиться, что она умеет её водить. Вечером Нина Михайловна села за руль, а он устроился на пассажирском сидении. Уверенно заведя машину, Поланская поехала по безлюдным улицам. Постепенно она увеличивала скорость, но, не успев правильно среагировать на одном из поворотов, заехала на тротуар и выбила машиной портфель из рук одинокого прохожего. Ошалевший от страха мужчина с большим опозданием отскочил от дороги, а Лев Абрамович, дотянувшись до тормоза, резко нажал на педаль. Машина заглохла, а он, вытерев холодный пот со лба, пересел на водительское место. Дома он сказал, что даст жене ключи от машины только когда она накает с инструктором часов сорок.

– Знаешь, сколько они берут за урок? – спросила Нина Михайловна.

– Если ты устроишь аварию со смертельным исходом, то адвокаты обойдутся мне дороже, – ответил он.

– Я не собираюсь устраивать аварию.

– Вопрос решён, и тема закрыта, – отрезал Поланский, – машину я тебе не дам, пока ты не сдашь вождение лично мне.

Нина Михайловна поняла, что спорить бесполезно, и договорилась с инструктором, но, как только муж уехал в командировку, нашла ключи и, посадив в машину своих подруг, отправилась по магазинам. Каким-то чудом ей удалось не нарушить правил, не попасть в аварию и благополучно вернуться обратно, но, въезжая в гараж, она сильно поцарапала переднее крыло. Лев Абрамович сразу заметил бы сбитую краску, а это грозило очень большими неприятностями. Чтобы их избежать, она позвонила Саше Иванову и стала умолять его как можно быстрее отремонтировать пострадавший «Москвич».

– Почему такая срочность, ведь царапины не мешают вам ездить? – спросил он.

– Если Лев Абрамович их увидит, он мне голову открутит. Он спрятал ключи от машины, а я совершенно случайно их нашла, ну и, конечно, захотела прокатиться. Видишь ли, Сашенька, у женщин бывают такие моменты, и я совсем не хочу из-за минутной слабости доставлять своему мужу неприятности. Он очень любит свой «Москвич» и ухаживает за ним гораздо больше, чем за мной.

– Ладно, я завтра посмотрю.

– Нет, Сашенька, завтра будет поздно. Приходи сейчас, я подожду тебя около гаражей.

– Нина Михайловна, я собрался с другом в Москву, мы опаздываем.

– Пять минут тебя не устроят, приходи.

* * *

На следующий день Саша позвонил Борису.

– Помнишь женщину, с которой мы вчера встретились у гаражей? – спросил он.

– Да.

– Она сказала, что когда ты стоял рядом, нетерпеливо поглядывая на часы, то был очень похож на шабашника, набивающего цену.

– Передай ей, чтобы она засунула эти наблюдения себе в задницу.
– Да я пошутил, Боря. Ты ей очень понравился, и она меня долго о тебе расспрашивала.
– Она для меня пожила.
– Она хочет познакомить тебя со своей дочерью.
– И что ты ей сказал?
– Что ты отличник боевой подготовки, морально стоек, политически грамотен, не состоял, не участвовал, не высывался.

– А ты видел её дочь?
– Конечно.
– Ну и?
– Она грузинско-армянско-итальянско-еврейского типа, зовут её Рая, ей девятнадцать лет.

– И каким же образом я могу с ней познакомиться?
– Принесёшь им ключи от «Москвича». Скажешь, что я заболел и боюсь их заразить. Для понта можешь приехать на моей машине. Предложишь Рае прокатиться, согласишься, как она среагирует.

– Ладно.
Когда Боря пришёл к Поланским, ему открыла Нина Михайловна.
– Вы Борис? – спросила она.
– Да.
– Заходите. Мне Саша говорил, что вы должны занести нам ключи.
– Вот они, – Борис протянул связку. В тот же момент раздался голос из комнаты:
– Мама, где мои туфли?
– Какие?
– Те, которые мы на прошлой неделе у Лёвы купили.
– Не знаю.
– Мама, ведь ты их последняя носила, вспомни. Я опаздываю. Мне через час надо быть в институте.

– Посмотри под кроватью, – сказала Нина Михайловна и, повернувшись к Борису, пожала плечами, как бы прося извинения.

Через минуту Рая вышла из комнаты.
– Знакомьтесь, – сказала Поланская, – это моя дочь.
– Рая.
– Борис.
– Очень приятно.
– Мне тоже.
– Вы ремонтируете машины? – спросила Рая.
– Нет, ремонтирует мой друг, но очень избирательно.
– Почему?
– Он конструктор, и у него нет времени. Мы с ним делаем новые модели, – соврал Боря, – наша машина завоевала первое место на ВДНХ среди самоделок.
– Да, я видела вашу «Антилопу Гну».
– Хотите на ней прокатиться?
– Если вы меня довезёте до института, то да.
– С удовольствием.
– Тогда поехали.

Во время этого диалога Нина Михайловна переводила взгляд со своей дочери на Бориса, а когда они ушли, она села на диван и задумалась...

Через месяц Рая сказала Борису, что её родители капитально поссорились и собираются разводиться. К этому уже давно шло, но пару дней назад произошёл случай, который обострил и без того напряжённую ситуацию.

Нина Михайловна со своей лучшей подругой Великанидой Игнатъевной, которую все для простоты называли Вика, решила поехать в Москву. В тот день автобусов очень долго не было, и на остановке собралась огромная толпа. Желающие явно не уместились бы в одну машину, а счастливицы, которым бы это удалось, могли поплатиться оторванными пуговицами или поломанными рёбрами.

– Давай остановим частника, – предложила Вика.

– Давай, – согласилась Нина Михайловна, и они пошли навстречу движению. Первая же машина затормозила, но женщины, увидев на ней дипломатические номера, пошли дальше. Водитель, гостеприимно открыв дверь, стал настойчиво приглашать их внутрь. На хорошем русском языке он уверял, что доставит их куда угодно, ведь он гражданин братской Болгарии, а не какой-нибудь враждебной капиталистической страны.

При виде красивых женщин у болгарина, кроме словесного поноса, разыгрался ещё мозговой запор, и он, нарушая все правила движения, ехал рядом с ними задним ходом. Его поведение привлекало внимание ожидающей автобус толпы и каждую секунду грозило аварией. Чтобы избежать неприятностей, Вика втолкнула свою подругу в открытую дверь, а сама села на заднее сиденье.

Через двадцать минут они были уже в столице, а ещё через десять Льва Абрамовича вызвал начальник Первого отдела. Прочитав ему лекцию о необходимости сохранять бдительность в период обострившейся классовой борьбы, он настоятельно посоветовал провести разъяснительную работу с женой, сделав особый упор на то, что работникам предприятия оборонной промышленности и их семьям общаться с иностранцами категорически запрещено, и совсем неважно, какие это иностранцы, дружественные или враждебные. Ведь у Льва Абрамовича допуск высшей степени секретности, что предполагает определённые нормы поведения. Только после этого начальник Первого отдела рассказал, что произошло.

Дома Поланский закатил жене скандал. Она пыталась объяснить ему, как всё случилось на самом деле, но он ничего не хотел слушать. В последнее время у него одна неприятность следовала за другой, и сегодняшняя встреча с представителем Первого отдела переполнила чашу.

Нина Михайловна разрыдалась и заперлась в спальне, а на следующий день заявила, что жить с ним больше не будет. Он ничего не ответил и, хотя давно был готов к такому повороту событий, разводиться всё-таки не хотел. Он считал, что, пока Рая не вышла замуж, она нуждается в обоих родителях. Раньше Поланская боялась развода, но поведение болгарина, сунувшего ей свою визитку и предложившего звонить в любое время, придало ей смелости. Ни на какие серьёзные отношения с ним она не рассчитывала, но сам факт подействовал на неё как допинг.

– Ничего страшного, – сказал Боря, выслушав эту историю, – как поссорились, так и помиритесь. Мои старики тоже разводятся каждую неделю.

– Просто так не помиритесь, нужны сильнодействующие средства.

– Какие?

– Например, моё замужество.

– Как это будет способствовать их примирению?

– Я скажу, что после того как они разменяют квартиру, я останусь с папой. Мамашка испугается и примет любые условия.

– А если нет?

– Тогда нам с тобой придётся жениться. Ты не против?

– Вообще-то нет, но у меня на работе большие проблемы с продвижением, и я серьёзно думаю об эмиграции.

– Понятно, что ещё?

– Ещё сначала я бы хотел поближе с тобой познакомиться.

– Поближе – это как?

– Так, что ближе не бывает.

– Мои родители на выходные уезжают к Вике. Она хочет их помирить и специально пригласила к себе на дачу, чтобы уложить в одной постели. По её мнению, это самый лучший способ.

– А по твоему?

– Не знаю, не пробовала.

Боря внимательно на неё посмотрел. В девятнадцать лет она ещё не пробовала. Не очень верится, но скоро он это узнает.

– Когда, говоришь, твои родители уезжают?

– В пятницу после работы.

– Тогда я к тебе приду часов в восемь, – сказал он и, подумав, добавил, – я принесу шампанское и коробку конфет.

– Джентльменский набор?

– Да, а у тебя есть возражения?

– Нет.

– Изменения?

– Нет.

– Дополнения?

– Да, букет цветов.

– Принято.

– Всё остальное я приготовлю сама.

Остальное состояло из ароматических свечей, фруктов и лёгкой закуски.

...А на следующее утро они проснулись от звонка в дверь.

– Кто там? – спросила Рая.

– Открой, – ответил Лев Абрамович.

– Сейчас, па, подожди. Я только халат найду.

Борис быстро натянул брюки и рубашку, засунул все остальные вещи за пазуху и открыл окно. Дом был спроектирован так, что балкон проходил вдоль всех окон квартиры. Борис вылез из комнаты и посмотрел вниз. Поланские жили на третьем этаже. Под ними был ещё один балкон. Нужно было сначала спуститься туда, а уже оттуда на землю. Конечно, это несложно, но ему очень не хотелось испытывать судьбу и прыгать со второго этажа. На секунду у него даже мелькнула мысль выйти к Раиному отцу и поздороваться. В конце концов, они живут не в средние века и в ближайшем будущем собираются жениться. Впрочем, именно поэтому нельзя рисковать. Неизвестно, как он среагирует. Боря посмотрел вниз, затем перелез через перила, повис на руках и, качнувшись, спрыгнул на балкон второго этажа.

Между тем Лев Абрамович зашёл на кухню и, увидев на столе букет цветов и огарок свечи, в мойке немытую посуду, а в мусорном ведре бутылку из-под шампанского, всё понял. Ситуация была водевильная, но устраивать скандал дочери он не хотел и тихо прошёл в свою комнату.

Боря же, благополучно спрыгнув на балкон, увидел, что из окна на него улыбаясь смотрит очень добродушная старушка. Она знаками пригласила его внутрь, показав, что зайти он может через дверь. Старушка оказалась приходящей няней, звали её баба Нюра, а на ночь она осталась тут потому, что хозяйка квартиры уехали к друзьям и поручили ей следить за своим пятилетним сыном.

– Эх ты, герой-любовник, – сказала она, – я ещё вчера хотела тебя предупредить, чтобы ты был поосторожнее, а то когда ты сюда шёл, от тебя искры летели. Наверное, если Рая тебя пригласила, то у вас это серьёзно?

– Конечно.

– Тогда вам лучше сразу жениться.

– Обязательно женимся.

– И ты сюда переедешь?

– Там видно будет.

– Не поведёшь же ты её к своим родителям в коммуналку!

– Откуда вы знаете, где я живу?

– Э, голубчик, – протянула баба Нюра, – я всё знаю. Я даже слышала, что Раины родители чуть ли не разводиться собрались, – она вопросительно посмотрела на Когана.

Он пожал плечами.

– Ну ладно, – сказала баба Нюра, провожая его к двери, – иди.

Примерно в это же время Вика, не особенно выбирая выражения, говорила подруге, что она думает о её поведении. Узнав, что Лев Абрамович уехал на первой электричке, в спешке даже не взяв ключи от дома, она отчитывала Нину Михайловну как школьницу, часто напоминая, что той уже не двадцать лет, что найти приличного человека непросто, а если она разведётся, то жить ей придётся гораздо скромнее и гостей принимать намного реже, потому что она хоть и руководит парторганизацией детского сада, зарплата у неё грошовая. Нина Михайловна прекрасно знала, что такое бедность, и снова испытывать её не хотела. Приехав домой, она несколько дней вела себя очень тихо. Поланский тоже разговоров о разводе не возобновлял. Теперь, когда у дочери появился мужчина, он болезненно почувствовал, что у него самого кроме жены никого не осталось. Какая бы она ни была, другой нет. С Ниной Михайловной он был холодно вежлив, о разделе имущества не заговаривал, и со стороны могло показаться, что они помирились. Через некоторое время Рая сказала об этом Борису, добавив, что в таком случае им жениться необязательно.

– Может, нам вообще расстаться, – спросил он ледяным тоном, – ведь твоим родителям наша помощь уже не нужна.

– Чего ты обиделся, – засмеялась Рая, – если тебе так не терпится, давай поженимся, но тогда нам надо подумать, как правильно это преподнести. Мамашка должна знать, что, если она разведётся, я останусь с папой.

– Нет, ты останешься со мной.

– Хорошо-хорошо, – быстро согласилась она, встав в покорную позу и сложив руки как лапки суслика, – но нужно всё заранее отрепетировать. Я думаю, их перемирие надолго не затянется, и, когда они поссорятся в следующий раз, ты должен быть готов.

– А ты уверена, что они поссорятся?

– Конечно, моей мамашке энергию девать некуда. Секретарём парторганизации она тоже стала от биологического избытка. Ведь папа много работает и часто уезжает в командировки. Директор завода – старый лис и всегда переваливает ответственность на него. На испытания не ездит, а документы подписывает только после того как их завизирует отец. Говорит, что начальник юридического отдела завода должен знать, соответствует ли приказ букве закона. Оно, конечно, правильно, но он-то делает это, чтобы прикрыть собственную задницу.

– А если приказ не соответствует букве закона?

– Чаще всего папа всё равно его подписывает.

– Это он тебе говорил?

– Иногда он, а иногда я сама догадывалась. Я отца чувствую.

– А мать?

– С ней всё просто. Она ... – Рая неожиданно замолчала и отвела взгляд. Она не хотела говорить, что отец держит Нину Михайловну на очень скудной сексуальной диете и скорее всего именно это является главной причиной их ссор.

– Что она? – спросил Борис.

– Ничего, – ответила Рая, но он почувствовал, что именно она хотела сказать.

Как только Поланские опять начали разводиться, Рая позвонила Борису. Он пришёл к ним в парадном костюме.

Поздоровавшись, он вручил Нине Михайловне цветы, Льву Абрамовичу бутылку шампанского, вынул из верхнего кармана пиджака носовой платок, аккуратно расстелил его на полу и, встав на одно колено, попросил у родителей Раину руку, заявив, что сердце она уже ему отдала.

– Это правда? – спросил её Лев Абрамович.

– Да мне ничего не оставалось делать, потому что у нас будет ребёнок, – ответила Рая.

– А значит, как честная девушка она должна выйти за меня замуж, – добавил Борис.

Лев Абрамович посмотрел на них, секунду подумал и вышел, а появившись через некоторое время со свёртком в руках, сказал:

– Боря, недавно я наводил порядок в квартире и обнаружил под Раиной кроватью майку. Кажется, это было в тот день, когда я вернулся с Викиной дачи. Тогда я подумал, что эта майка совсем не похожа на женскую, и решил на всякий случай её сохранить. Примерь, если она тебе подойдёт, я подарю её тебе на свадьбу.

– Спасибо, папочка, – сказала Рая, – я знала, что щедрость твоя не знает границ.

– Для любимой дочери я последнюю майку отдать готов, – ответил он.

– А квартиру?

– Квартиру?

– Если вы разведётесь, вам придётся разменивать квартиру, и я подумала, что нам лучше жить с тобой. Ты всё равно большую часть времени проводишь на заводе. И в быту непривередлив. Боря пропишется к нам, и тогда ты сможешь встать в очередь на улучшение жилплощади.

– А я как же? – спросила Нина Михайловна.

– А ты будешь жить отдельно и наслаждаться свободой.

– Дети должны оставаться с матерью.

– Я уже взрослый ребёнок и могу решать сама.

– Мы это ещё обсудим, – решительно сказала Поланская.

Жена дамского угодника

Когда Фима с женой приехал из Минска в Москву, время у него было расписано чуть ли не по минутам, но Борис заранее договорился с ним о встрече. Сначала Рая хотела устроить обед у себя, но, узнав, что Борин кузен оформляет документы на выезд, передумала. До сих пор она не общалась с отъезжающими, а родители при ней никогда эту тему не обсуждали. Ей было интересно поговорить с будущими эмигрантами.

Среди родственников, собравшихся за столом, Рая с Борей оказались белыми воронами. Все остальные либо готовились к отъезду, либо были в подаче, либо уже получили разрешение. Ни у кого этот процесс не проходил гладко, и Зоя, жена Фимы, рассказала, как он брал на работе характеристику для ОВИРа. Начальник, узнав о том, что Фима эмигрирует, пытался уволить его по собственному желанию. В противном случае он угрожал подать на Фиму в суд за сексуальные домогательства к лаборантке. В колхозе Фима якобы не давал ей прохода своими приставаниями. Фима, естественно, всё отрицал, но положение было критическое, ведь если бы его выгнали с работы, то существовать им было бы не на что.

И Зоя решила пойти ва-банк. Она приехала к мужу на работу, как фурия ворвалась в кабинет начальника и, размахивая перед его носом какой-то бумажкой, стала кричать, что Фима – импотент и она была бы рада, если бы он попробовал внебрачные связи, но в их вонючем НИИ нет ни одной приличной девки. А эта коряга с обезьяньей мордой, которая хвастает своими успехами, – набитая дура, а вдобавок ко всему ещё и слепая, потому что при наличии даже одного глаза, посмотрев на себя в зеркало, она бы убедилась, что с её рожей невозможно соблазнить даже пьяного тинейджера.

Монолог этот исполнялся в кабинете начальника при закрытых дверях, а Фима охранял место действия от появления ненужных свидетелей. Зоя же закончила угрозы тем, что пообещала подать на НИИ в суд за клевету и сообщить об этом иностранным корреспондентам.

Насколько её рассказ соответствовал действительности, никто не знал, но по необычно тихому поведению двоюродного брата Боря допускал, что роман Фимы с лаборанткой вполне мог иметь место, а за ним наверняка последовали разбирательство дома и скандал в НИИ. Как бы там ни было, Фиму оставили на работе, а родственники приукрашивали эту историю, добавляя к ней всё новые и новые детали. В НИИ Фима сделался самым популярным человеком, но геройствовать ему довелось недолго, потому что через два месяца он получил разрешение на выезд.

Затем Зоин брат рассказал, как его не приняли в аспирантуру, даже не пытаясь замаскировать причину. Он сдал экзамены по специальности и по английскому, а перед экзаменом по марксистско-ленинской философии всех соискателей предупредили, что получившие тройку зачислены не будут. Тройку получил только он, Семён Иосифович Альтшуллер. Это при том, что он окончил физфак МГУ с отличием, а его работы уже публиковались в авторитетном международном журнале, и одна из них получила поощрительную премию.

Рая подумала, что эти отъезжанты совсем не похожи на жуликов и аферистов, какими их изображала советская пресса. Им, конечно, далеко до аристократов, но все они люди талантливые, а Зоя вообще могла бы играть Вассу Железнову без грима и репетиций. Под их влиянием Боря наверняка возобновит свои разговоры об эмиграции, и теперь ей будет гораздо труднее, ведь уезжают его ближайшие родственники, которых он очень любит.

* * *

Когда Борис провожал своего двоюродного брата в Шереметьево, говорили они, в основном, об отъезде, а уже перед самым таможенным досмотром Фима сказал:

– Не выдумывай себе отговорки, плюнь на всё и езжай.

– Я бы и сейчас плюнул, да Рая боится отцу карьеру испортить. Она его очень любит, а этот краснопузый слышать не хочет об отъезде. Он работает на военном предприятии с каким-то сверхсекретным допуском.

– Если ты её убедишь, то он поедет за ней вместе со своим красным пузом. А допуск для юриста – это чушь собачья, он же не инженер, ничего в технике не понимает и никаких государственных тайн выдать не может.

– Кому ты это докажешь!

– Никому и не надо доказывать, действуй. Под лежачий камень – сам знаешь, а невесту твою легко можно расколоть. Я видел, как у неё глазки горели, когда мы говорили об Италии. Она сопротивляется только для вида, это в женской натуре, поверь мне, – он обнял брата, пожал ему руку и вместе с женой пошёл на досмотр.

Таможенники трясли его почти час, а после того как он с большим трудом опять сложил все вещи в чемодан, бригадир таможенников сказал, что его золотое кольцо-печатка весит больше, чем положено, и его надо выбросить.

– Выбросить? – переспросил Фима.

– Да, – подтвердил бригадир, услужливо подставляя корзину.

Фима посмотрел на провожающих, нашёл глазами Борю, крикнул ему: «Лови» и, бросив кольцо, пошёл на посадку. Таможенники не решились его остановить. От него исходила такая злоба, что, казалось, он прямо сейчас может выйти на ринг и набить морду чемпиону мира по борьбе без правил. Вернувшись из Белоруссии, Борис опять заговорил с Раей об отъезде, но она находила миллион причин, по которым сейчас этого делать нельзя. Оба понимали, что это отговорки, но сильно настаивать Борис не хотел. Каждый раз, когда затрагивалась эта тема, настроение у Раи портилось, а его сиюминутные плотские желания всегда оказывались важнее глобальных жизненных задач. Правда, после писем от Фимы с рассказами о путешествиях по Италии и Австрии он вновь начинал теребить невесту и однажды решился-таки поставить вопрос ребром. Ответ оказался неутешительным, и Борис воспринял это как разрыв, но на следующий день Рая, как ни в чём не бывало, стала обсуждать с ним подготовку к свадьбе, до которой оставалось совсем немного.

А вечером позвонил Фима. Он сказал, что находится в Нью-Йорке, и здесь за небольшую плату можно сделать вызов.

– Я пока не знаю, на кого, – ответил Борис, – в данный момент мне нужно три вызова.

– Зачем?

– Один на меня с родителями, другой на меня с родителями и Раей, а третий – на всю компанию.

– Это слишком дорогое удовольствие, – возразил Фима, – ты реши, кто едет, и скажи мне, потому что скоро я уже буду в Миннеаполисе, а там специалистов по изготовлению документов нет.

На следующий день Боря пошёл к Поланским. Дверь ему открыл Лев Абрамович.

– Мне надо с вами поговорить, – сказал Борис.

– Проходи.

В гостиной были Нина Михайловна и Рая. Поланский, указав на стул, сказал:

– Садись, рассказывай.

– Вы, наверное, знаете, что мой двоюродный брат уехал в Америку.

– Да.

– Я собираюсь последовать за ним.

– А зачем же ты свадьбу затеял?

– Чтобы взять с собой Раю.

– Нет. Моя дочь останется здесь, и, если ты её любишь, то должен дать мне слово, что мысль об отъезде выкинешь из головы.

- Конечно, люблю, но именно поэтому и хочу увезти её из этой антисемитской страны.
- Антисемитизм есть везде, и в твоей любимой Америке его не меньше.

– Тут он государственный. Ведь вы, наверное, знаете, что именно Советский Союз спровоцировал шестидневную войну, а когда Израиль разгромил армии восьми арабских стран и русские люди заговорили о евреях с уважением, советская пропаганда сделала всё, чтобы изменить это уважение на ненависть.

- Я не буду с тобой спорить, хочешь ехать – езжай, но без Раи.

– Ваша дочь – взрослый человек и сама решит, что делать. Запретить вы ей ничего не можете. Если она захочет...

– Не захочет! – оборвал его Поланский. Ещё секунда, и он, наверное, прогнал бы Бориса, но Нина Михайловна схватила его за руку и утащила в соседнюю комнату. Боря не ожидал от неё ни такой решимости, ни такой физической силы.

Рая, бледная и осунувшаяся, сидела молча и, только когда родители вышли, прошептала:

– Согласись с моим папой, Боря. Посмотри, как он переживает. Если мы уедем, его выгонят с работы. Что он будет делать?

- Поедет с нами.
- Никуда он не поедет, – сказала Рая дрожащим голосом.
- За тобой – поедет.
- У него же допуск, его не выпустят.
- Он юрист и никаких секретов не знает.
- Кого это интересует!

– В ОВИРе же не круглые идиоты, – сказал Боря и попытался её обнять, но она отодвинулась. В этот момент вошли Поланские. Нине Михайловне с трудом удалось убедить мужа, что свадьбу отменять поздно. Приглашения разосланы, ресторан заказан, деньги уплачены. И ладно бы только деньги, но позор-то какой! Как они будут выглядеть перед друзьями и родственниками, если свадьба расстроится. Пусть уж Рая выйдет замуж, а если брак окажется неудачным, развестись она всегда успеет. Нужно только сказать, чтобы молодожёны повременили с детьми. Лев Абрамович, скрипя зубами, согласился. Войдя в гостиную, он угрюмо посмотрел на Бориса и сказал:

– Я надеюсь, ты достаточно трезвомыслящий человек и понимаешь, что сказочки об Америке – сплошное враньё, при желании здесь тоже можно многого добиться, надо только захотеть, и, если вы женитесь, я помогу тебе устроиться на другую работу. Рая ехать никуда не может, потому что тогда у нас будут большие неприятности.

- А если она останется, то её собственная жизнь будет одной большой неприятностью.

- Ты можешь предсказывать будущее?

– Нет, но я хорошо знаю прошлое и не хочу испытывать то, что пришлось испытать моим родителям. Да и вам, кстати, тоже.

- Ты внутренний эмигрант, и я не желаю, чтобы ты стал членом моей семьи.

Боря пожал плечами.

- Ну, так и иди отсюда!

– Папа, папа! – закричала Рая. Она схватила Бориса, а Нина Михайловна опять утащила мужа в соседнюю комнату. Когда родители вышли, Рая заплакала.

- Я беременна, – сквозь слёзы сказала она.

Борис замер. В прошлый раз она сказала это, ломая комедию перед своим отцом, а теперь...

- Ты не ошибаешься? – спросил он.

- Я несколько раз делала тест.

- Значит, у меня будет сын?

- Или дочь.

– Сын, – уверенно повторил он, и в нём стала подниматься волна какого-то необъяснимого тепла. Он испытал гордость, узнав, что эта красивая женщина носит его ребёнка. Он опередил обоих своих друзей. Саша, правда, женат не был, но Володя в общей сложности был женат восемь лет на двух женщинах – и у него ещё не было ни одного наследника, а он не успел жениться – и пожалуйста. Борис почему-то забыл Мишу Ларионова, у которого была всего одна жена и двое детей. Точно так же он забыл, что всего минуту назад хотел уйти из этого дома. Он обнял Раю и начал её целовать, а когда в комнату вошли Поланские, сказал:

– Мы с Раей решили свадьбу не отменять. Я остаюсь.

Материнский инстинкт

Лена недовольно запищала в своей кровати, это был верный признак того, что пора менять пелёнки. Борис встал, не включая свет, передел её, бережно положил обратно, вынес мокрые пелёнки в ванну и, вернувшись, посмотрел на жену. Рая продолжала безмятежно спать, и он подумал, что если материнский инстинкт и существует, то природа по ошибке наделила им его. Он слышал каждый Ленкин шорох и вставал по первому её требованию. Рая же ночью никогда не просыпалась, а утром, сладко потягиваясь, говорила, что родила идеального ребёнка, который даёт ей возможность отдохнуть. Отдыхала она основательно, и даже днём Ленке иногда приходилось требовательным криком напоминать, что пришло время кормления.

Рая вообще очень умело пользовалась статусом кормящей матери.

Когда Ленке было два месяца, она взяла её с собой на экзамен по политэкономии. Соученики хотели пропустить её без очереди, но она специально подождала, пока профессор, вечно хмурый старик, вышел в туалет. Когда он возвращался, она театрально поцеловала дочь и передала её Борису.

– Это ваш ребёнок? – спросил профессор, и на лице его появилось подобие улыбки.

– Да, это Елена Борисовна. Мне скоро надо будет её кормить, и, если вы не возражаете, я бы хотела ответить без подготовки.

Профессор пропустил Раю вперёд и кивнул на стол, где были разложены билеты.

– Пятнадцатый, – сказала она, – научное обоснование ускорения развития народного хозяйства в переходный период от социализма к коммунизму.

В этот момент из коридора раздался детский плач. Рая обеспокоенно посмотрела на дверь.

– Я думаю, вы подготовились к экзамену, – сказал профессор, – и, если согласны на четвёрку, я могу отпустить вас к Елене Борисовне.

– Согласна.

Профессор поставил отметку и протянул зачётку Рае.

– Большое спасибо, вы даже не представляете, как вы меня выручили.

– Представляю, – возразил тот, и на его лице опять появилось подобие улыбки. Казалось, он прекрасно понимал, что плач Елены Борисовны был записан на плёнку, а когда Рая вошла в аудиторию и прочла вопрос, её муж включил портативный магнитофон на полную громкость.

* * *

Борис перевёл взгляд с жены на дочь и улыбнулся. Лена улыбнулась в ответ. А может быть, ему это только показалось. Хотя – чего же ей не улыбаться! Наверное, ей снятся цветные игрушки, и она отдыхает перед тем, как начать новый день своей пока ещё беззаботной жизни. Ей не надо вставать по звонку и спешить на работу, не надо думать о том, сколько осталось до семи утра и успеет ли она ещё хоть немного поспать. Вот он думает и, чтобы не волноваться понапрасну, уже давно ставит будильник циферблатом к стенке. После появления дочери день его начинался с того, что он ходил на молочную кухню за детским питанием, затем полусонный уезжал на работу, по дороге домой иногда выстаивал очередь за продуктами, а вернувшись, стирал пелёнки и убирал квартиру. Особенно его изводила уборка дома. Жена и тёща были помешаны на чистоте. Они считали, что все болезни от грязи, и эксплуатировали его бесплатный труд. Рая, правда, утверждала, что его труд вовсе не бесплатный и найдётся много желающих получать за этот труд то, что получает он. Наверное, так оно и было, но Боря в отчаянии видел, что ничего не успевает. Он почти забросил занятия спортом, а его организм требовал физической нагрузки, и, чтобы хоть как-то поддерживать форму, он иногда бегал по утрам и занимался с воображаемым чучелом, потому что настоящее ставить было некуда.

Бегал же он, только если после очередной смены пелёнок ему не удавалось заснуть. Почувствовав, что сегодня будет именно такой день, он встал, надел тренировочный костюм и вышел на улицу. Холодный утренний воздух взбодрил его, он наскоро размялся и побежал. Ноги сами несли его по знакомым дорожкам парка, а мысли также по знакомым маршрутам неслись, перескакивая с одной на другую.

Он не представлял себе, как люди имеют по несколько детей. Как его собственные родители смогли воспитать его без бабушек и дедушек, без горячей воды и центрального отопления. Его мама работала в поликлинике и на скорой, инвалид-отец, вдобавок к функциям домработницы, раз в неделю ездил за продуктовыми заказами для ветеранов войны. Родители получили квартиру, только когда ему исполнилось пять лет и основные трудности были уже позади. До этого они жили в доме, где нужно было топить печку, а воду носить вёдрами из колодца.

А у него есть всё и теща в придачу. Правда, за помощь она пьёт его кровь, но тут уж ничего не поделаешь, другой платы она не принимает. И ладно бы только это, а то из-за своих глупых предрассудков она не позволила ему договориться с бабой Нюрой, хотя та явно предлагала свои услуги. Встретив как-то Бориса, баба Нюра спросила, скоро ли Рая собирается рожать.

– Если вы будете сидеть с моим ребёнком, я уговорю её сделать это прямо завтра, – ответил он.

Боря рассчитывал, что жена и теща ухватятся за предложение бабы Нюры, но Нина Михайловна безапелляционно заявила, что по народным приметам ничего нельзя делать заранее, и потребовала, чтобы Борис до рождения ребёнка ни с кем не договаривался. Ни Лев Абрамович, ни Рая не хотели с ней спорить, и в течение нескольких дней он сражался один, но силы были слишком неравны и битву он проиграл. Несмотря на то, что товарищи Нины Михайловны по партии называли религию опиумом для народа, а приметы – пережитками капитализма, она сама ни за что не хотела эти пережитки нарушать. В конце концов, Боря сдался и, встретив Муханова, пожаловался ему на упрямство тещи.

– Но ведь Рая только на пятом месяце, – сказал тот, – всё равно договариваться ещё рано.

– Ничего не рано, бабу Нюру могут увести в любой момент.

– Неужели она такая незаменимая?

– Конечно, родители всех её предыдущих воспитанников отзывались о ней только в превосходной степени.

– Даже те, которые живут на втором этаже? – спросил Володя, вспомнив, как его друг познакомился с нянькой.

– Те особенно.

– Ладно, не расстраивайся, всё ещё может измениться.

Что-то Боре не понравилось в интонации друга, и он уже жалел, что поделился с ним своими неприятностями. В последнее время ребята виделись редко, и он только сейчас вспомнил, что жена Муханова тоже беременна, и значит, Володя – его прямой конкурент, а уж он-то не посмотрит ни какие приметы и после таких рекомендаций наверняка захочет заполучить бабу Нюру.

Несколько дней Боря искал предлог, чтобы зайти к ней, но, не придумав ничего лучшего, взял дефицитные продукты и позвонил в её дверь. Она предложила ему чаю и стала рассказывать про своих внуков. Он внимательно слушал, а потом сказал, что принёс ей продукты из заказа. Сама она была очень непривередлива и могла ограничиться малым, но ей наверняка доставляло удовольствие баловать внуков и белой рыбой, и красной икрой.

– Я не могу это принять, Боря, – покачала она головой, – я уже обещала Володе сидеть с его ребёнком.

– Что же вы меня не подождали?! – в отчаянии воскликнул он.

– Я ждала, – ответила она, – но ты мне так ничего и не ответил. Наверное, твои женщины были против.

– Это тётца, она боялась договариваться до рождения. Считала, что это плохая примета.

– Может, она и права, кто знает.

– Э-эх, – только и сказал Боря. По собственной глупости он потерял самую лучшую няньку в округе. Сначала не смог переубедить тётцу, затем растрепал всё Муханову, а в довершение всего несколько дней раздумывал над сакральным вопросом: что делать.

* * *

Когда Борис сказал Старкову, что опять собирается в аспирантуру, тот предложил прогуляться по коридору. Убедившись, что их никто не слышит, заведующий лабораторией сказал:

– Боря, ты, наверное, знаешь, что сейчас представителям твоей национальности особенно трудно устроиться на работу.

– В этом плане ничего не изменилось с царских времён, – ответил Коган.

– Изменилось. Официально в нашей стране все народы равны, но поскольку теперь евреям разрешили эмигрировать, в отношении них существует правило трёх «не»: не принимать, не увольнять, не повышать. Я пытался сделать тебя руководителем группы и почти уломал нашего общего друга Тураева, но вчера Рудик Брускин попросил характеристику в ОВИР.

– Не может быть!

– Не прикидывайся, Боря, вы же с ним друзья, и он наверняка тебя предупредил, но это неважно. Важно то, что теперь в руках товарища Тураева очень сильный козырь, и он непременно им воспользуется. Я предлагаю тебе переждать, а как только всё уляжется, помогу поступить в аспирантуру.

– Я уже и так пропустил туда всех желающих.

– Раньше ты сам не особенно рвался, а после того как ты начал учить английский, я вообще решил, что ты собираешься уезжать.

– Спасибо за идею, я подумаю, – сказал Борис. Вечером он всё рассказал Рае, она поделилась с отцом, и Лев Абрамович обещал что-нибудь придумать, а пока он предложил им отдохнуть в Одессе. Там всего несколько лет назад благодаря его инициативе завод построил ведомственный дом отдыха.

Ему удалось добиться разрешения на строительство в горсовете и одержать сложную дипломатическую победу над своими недоброжелателями в Министерстве. Он гордился этим не меньше, чем выигранными делами. На него писали анонимки, обвиняя в некомпетентности и воровстве. Некоторые говорили, что Поланский ничего не понимает в строительстве, что он выбрал место на краю обрыва и подвергает опасности жизнь сотен отдыхающих. В результате была создана межведомственная комиссия, которая для изучения дела выехала в Одессу. Когда директор одного из Уральских заводов увидел место будущего санатория, он сказал Поланскому:

– Слушай, старик, продай мне право на строительство. Вы, москвичи, и так можете поехать куда угодно, а для сибиряков отдых в Одессе – это как путешествие в рай. Тебе лично я гарантирую персональный люкс на весь сезон, а если ты сам не сможешь отдыхать, то пришлешь сюда родственников. Давай прямо сейчас заключим договор, ты же юрист и знаешь, как это делается.

– Нет, старик, – в тон ему возразил Лев Абрамович, – у тебя денег не хватит. Мой дом отдыха будет приносить заводу такую прибыль, которая тебе и не снилась.

– Ну, мне-то ты сказки не рассказывай, я знаю, что рентабельностью здесь не пахнет.

– Если путёвками награждать победителей соревнования, окупится всё что угодно. Представляешь, как это повысит производительность труда.

Директор посмотрел на собеседника, но, не заметив даже тени улыбки на его лице, только махнул рукой и сказал:

– Эх ты, святая простота.

Но Поланский оказался прав. Всего десять лет спустя, когда империя зла начала разрушаться и завод потерял государственные заказы, профсоюзное начальство стало продавать путёвки в дом отдыха новым русским, и это сильно поправило пошатнувшийся бюджет завода.

Борис с Раей прекрасно провели время, а когда вернулись, Рая первым делом захотела обнять дочку.

– Леночка, иди ко мне, – сказала она.

Но Леночка идти к ней не хотела. Вместо этого она отступила назад, поближе к бабушке.

– Не бойся, Леночка, это твои родители, – сказала Нина Михайловна, – ну, скажи, где мама?

– Вон, – ответила Лена, указывая на Раю пальчиком и ещё дальше отходя от неё.

– Правильно, а где папа?

– Вон, – сказала Лена, прижимаясь к бабушке.

Нина Михайловна была удивлена. Она, конечно, искренно считала, что дочь с зятем уделяют недостаточно внимания внучке, и неоднократно напоминала им об этом, но никак не ожидала, что за месяц Лена так от них отвыкнет. Рая расплакалась и сказала, что она больше никуда без Лены не поедет. Не нужно ей никакого отпуска, если после него родная дочь её не узнаёт. И целый год, до следующего лета, она держала своё слово.

Осенью из техникума ушёл на пенсию преподаватель электроники, и Поланский спросил Борю, не хочет ли он занять эту вакансию. Зарплата там не меньше чем в НИИ, а с увеличением стажа она повышается автоматически, и если Борю привлекает педагогическая карьера, то Лев Абрамович может поговорить с директором техникума. Они давно знают друг друга, потому что завод часто оказывает техникуму шефскую помощь и трудоустраивает почти всех его выпускников.

Боря написал заявление, заполнил необходимые документы, прошёл собеседование, и его приняли на работу. Начать свою деятельность он должен был на колхозном поле, собирая картофель со своими подопечными.

Мадонна с младенцем

Володя пригласил ребят в Ленком на «Юнону и Авось», а сразу же после спектакля вместо кафе позвал к себе.

– У тебя новости? – спросил Борис.

– Да.

– Какие?

– Приедем ко мне, узнаешь.

– А по дороге ты сказать не можешь?

– Нет, боюсь испугнуть.

У Муханова дома ребята сразу же обратили внимание, что Володя обращается к своей жене неестественно нежно. Борис покосился на её живот. Она перехватила его взгляд и сказала:

– Не смотри ты на меня как школьник, я действительно беременна.

– А вы с бабой Нюрой говорили?

– Конечно, она даже обрадовалась, сказала, что завершает свою карьеру, поэтому каждый мой ребёнок будет для неё дополнительным стимулом.

– И много ты собираешься рожать?

– Ещё по крайней мере двоих. Я считаю, что в нормальной семье должно быть три ребёнка.

– Смелая женщина, – сказал Боря.

– Это не смелость, а необходимость. Для того чтобы население страны хоть немного увеличивалось, в каждой семье должно быть в среднем трое детей. Недаром говорят, что Бог троицу любит.

Боря и сам хотел второго ребёнка, и беременность Аллы возбудила в нём долго дремавшую зависть. Его другу не надо было вставать ни свет ни заря, чтобы отводить сына в детский сад, а с работы мчаться сломя голову, чтобы вовремя его забрать, думая при этом, как втиснуться в переполненный автобус. Володя будет продолжать жить так, как будто у него ничего не изменилось, только появится ещё одна маленькая живая игрушка. Баба Нюра будет кормить его детей, выводить их на прогулку, иногда даже стирать пелёнки, а он так и будет играть в самодеятельном театре и, не переламяваясь на работе, получать зарплату инструктора. Он может быть уверен, что его чада будут вымыты, накормлены и ухожены.

Мухановы накрыли стол, и ребята выпили за будущее прибавление семейства. Потом Володя стал изображать своих сотрудников, а Саша рассказал о том, как он собирается в очередной раз переделать машину.

– Мог бы свою «Антилопу» гнуть в другое время, – заметил Борис, – а то мы из-за тебя добирались на автобусе.

– Не ворчи, лучше скажи, что у тебя нового.

– Ничего, – ответил Коган, – машину я не переделываю, ребёнка не рожаю, а встречаясь с бабой Нюрой, смотрю на неё, как на любимую девушку, которая по моей глупости вышла замуж за другого. Теперь же к этому добавится горечь из-за того, что скоро она будет воспитывать второго ребёнка моего счастливого соперника. Новость это или нет?

– Нет, – сказал Володя, – это уже давно не новость, её даже и вспоминать не стоит.

– Ребята, уже поздно, – перебил Саша, почувствовав, что для них это большая тема, – нам пора домой.

– Да, – согласился Борис.

На автобусной остановке они увидели Горюнова.

– Здравствуйте, Василий Николаевич! – обрадовался Коган.

– Привет, остряк из Риги, ты здорово изменился. Похудал, возмудел. Ну, рассказывай, как жизнь.

– Прекрасно, Василий Николаевич. Теперь я ваш коллега, работаю в техникуме, воспитываю молодое поколение.

– А в личной жизни?

– Я женился.

– Молодец, поздравляю.

– Спасибо, но с поздравлениями вы немного опоздали, у меня уже дочь невеста.

– Надо же, как быстро время летит. Ты бы хоть меня с ней познакомил.

– Вы её видели в парке вместе с моей женой и даже хотели их обеих написать.

– Так это была твоя жена! Я её прекрасно помню.

– Она вас тоже.

* * *

Случилось это, когда Лене было три месяца. Рая пошла с ней в парк, села на скамейку и, подождав, пока дочь заснула, стала читать, изредка поглядывая на коляску. Книга увлекла её, и она вспомнила о кормлении, только когда услышала детский писк. Обычно к этому времени Лена, уже получившая положенную ей порцию материнского молока, блаженно спала в своей кроватке. Расписание соблюдалось очень строго, потому что когда Рая опаздывала, дочь поднимала громкий крик. Вот и сейчас Лена уже начала выражать недовольство во всю силу своих маленьких лёгких. Рая посмотрела вокруг. На противоположном берегу пруда какой-то художник писал с натуры. Она повернулась к нему спиной и приложила Лену к груди. Лена сразу же успокоилась, и её личико выразило блаженство. В минуты кормления Рая чувствовала свою неразрывную связь с этим маленьким беспомощным существом. Это была её плоть и кровь, и она, улыбаясь, следила за дочерью. Кормление доставляло ей физическое наслаждение и, как утверждали врачи, было очень полезно для ребёнка. Рая хотела кормить грудью до тех пор, пока у неё будет молоко. Летом это было просто, осенью же она собиралась договориться с кем-нибудь из подруг, чтобы ей писали лекции под копирку. Ведь ей, как кормящей матери, должны были разрешить свободное посещение занятий. Рая оторвала взгляд от дочери и увидела художника, который стоял рядом и смотрел на неё как заворожённый.

– Нравится? – спросила она, ничуть не смутившись. – Да, очень. Вы не могли бы мне позировать?

– Нет, у меня муж ревнивый.

– Я его упрошу.

– Говорите шёпотом, вы разбудите мою дочь.

– Дайте мне свой телефон, и я вообще замолчу, – прошептал он.

– Не дам.

– Я вас умоляю. Вы даже не представляете себе, как будете выглядеть на полотне. Это же готовый шедевр. Мадонна с младенцем, материнство в чистом виде. Мне не придётся ничего выдумывать. Вы так смотрели на ребёнка, что это нужно запечатлеть.

– Нет.

– Если вы всё-таки надумаете, позвоните, – сказал мужчина и сунул ей в руки клочок бумаги со своим телефоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.